

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 4 (42)/2011
АПРЕЛЬ

Александр ЕГОРОВ
с. 10

Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, с. Чугуевка

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Апрель 2011 года

№ 4 (42)

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.
Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.
Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.
Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.
Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 5 печатных листов.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 28 марта в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

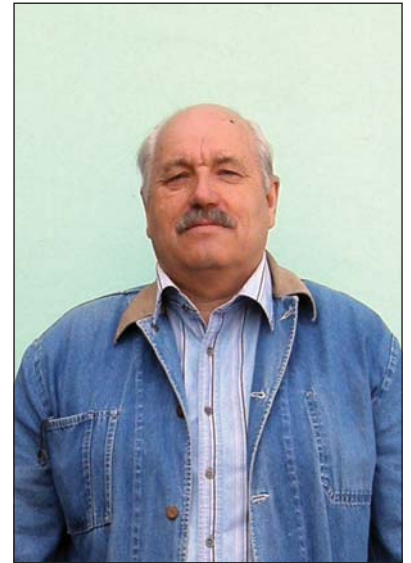
**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

- с. 2. **Проза.** Геннадий БОГДАНОВ
- с. 4. **Родной глагол.** Владимир ТЫЦКИХ
- с. 9. **Проза.** Виктор АФОНИЧЕВ
- с. 10. **Поэзия.** Александр ЕГОРОВ
- с. 12. **Поэзия.** Нина ИСАКОВА
- с. 13. **Поэзия.** Адела ВАСИЛОЙ
- с. 14. **Поэзия.** Вера САЧЕНКО
- с. 15. **Проза.** Витольд ЯДРЫШНИКОВ
- с. 18. **Пристальный взгляд.** Ольга ЛЕВАШОВА
- с. 20. **Из первых уст.** Александр ЛЕЙФЕР
- с. 22. **Проза.** Руслана ЛЯШЕВА
- с. 24. **Официально.**
- с. 24. **Проза.** Григорий РЕЙНГОЛЬД
- с. 25. **Эхо прошлого века.** Сергей ЮДИНЦЕВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Геннадий БОГДАНОВ

КОМАНДИРОВКА

В 1991 году, имея в кармане около тысячи рублей, вылетел я на неделю в Прибалтику. После умопомрачительного в те годы Домодедова, где яблоку негде было упасть, тихий и приветливый Рижский аэропорт показался раем. Поразили благоухающие розы на газонах и несуетливая обстановка в холле. Наняв такси, я отправился в портовый город Вентспилс.

Бросилась в глаза чистота в салоне старенькой «Волги». Поздно ночью отыскивали нужную гостиницу «Дзинторс Юра». Водитель, огромный, напоминающий штангиста парень, что-то сказал дежурной на латышском, и меня поселили в прекрасный номер на втором этаже. Проснулся я поздно – сказался перелёт.

Экскурсионный автобус, который был мне нужен, укатил в Юрмалу. Мне ничего не оставалось, как изучить город Вентспилс. Честно скажу, моё представление о портовых городах не соответствовало увиденному. Целый день я ходил, ошеломлённый чистотой улиц и красотой ухоженных зданий. Особенно поразила продуктовый рынок. Все овощи и фрукты были тщательно отобраны. Картофель продавался мытым! Рай продолжался. Два часа я смотрел, как огромные дорожные машины белого цвета укладывали асфальт. Фирма «Ёрген» – немцы. За многочасовой поход по городу нигде не заметил даже оброненной спички, не говоря уж об окурках. Незнакомые мне птицы, напоминающие грачей, гордо вышагивали по аккуратно стриженным газонам изумрудного цвета. Любопытно, но на глаза не попадались мусороуборочные машины и дворники. Видимо, чисто там, не где убирают, а где не сорят.

И всё же... на одной из отдалённых от центра улиц я обнаружил форменный беспорядок на строительной площадке. Сквозь кое-как сколоченный забор неопределённого цвета виднелись хаотично разбросанные трубы, горы битого кирпича и прочего строительного мусора. Приблизившись, я услышал родной русский язык, который был отменно сдобрен всё той же негибимой матерщиной. Дойдя до распахнутых перекосившихся ворот, я прочитал на невзрачной вывеске следующую надпись: «Работы ведёт трест «Моспромстроймаш» № 207».

ПЕРВАЯ СЕДМИЦА

В воскресенье позвонил приятель и возмущённым голосом заорал в трубку:

– Ты вчера Малышеву слушал по радио?

– Какую Малышеву?

– Ну, программу «Здоровье» ведёт, ведущая, заслуженный врач, так её разэдак!

– А что случилось? Я как-то не прислушивался особо, но там что-то о здоровье девочек говорили.

– Ага, о здоровье! – приятель сердито кашлянул. – С врачом-гинекологом-эндокринологом беседу вела. Я Бога молил, чтоб мои внучки Ириша с Викулей возле радио не вертелись. Они у меня со второй смены учатся. Позвонил дочке. Слава Богу, девочки в библиотеку ушли...

Малышева совсем спятила, презервативу, говорит, надо памятник поставить: хорошее средство, мол, от нежелательной беременности в раннем возрасте. И это в пост Великий! Кошунство! Ты же знаешь, я не ханжа, но, простите, блуд рекламировать, да ещё таким циничным образом, на всю Россию!.. Потом звонки пошли, и все очень рады были, никто ничего против не сказал. Одна мамаша про свою дочку рассказывала, о её ранней половой жизни. Мол, какой лучше контрацептив применить девочке!

– Ну, твои-то внучки вроде в Воскресную школу ходят, чего тебе беспокоиться? А потом, вспомни, Мария Египетская с 12 лет невероятным развратом занималась, а ведь святой стала!

– Ты думаешь, все слушатели Малышевой святыми станут?! – гаркнул приятель.

– Нет, я так не думаю, просто успокоить тебя хочу. Знаешь, наверное, последние времена наступают, коль такой разгул пошёл. Пойдём сегодня на вечернюю, помолимся вместе.

– Да-да... ты прости меня, отвлёк от дел, наверное, со своей Малышевой. Вообще радио включать не буду. А ведь сегодня первая седмица Великого поста заканчивается...

ЧТО-НИБУДЬ ЖИЗНЕННОЕ

Мамаше Николая Ивановича за восемьдесят. Сильно отекают ноги. Ходит, опираясь на трость. С трудом положили в больницу, заплатив кругленькую сумму доктору, – по негласному правилу после семидесяти в больницу не кладут. Николай Иванович пришёл навестить маму, принёс продукты. Присели на скамейку в больничном коридоре возле лифта, разговаривают. Николай Иванович – человек глубоко верующий, работает при храме столяром. Справившись о здоровье, о принимаемых процедурах интересуется:

- Мама, молитвослов взяла с собой?
- Конечно, сынок, и Богородицу, и Архангела Михаила, и Серафима Саровского. Все со мной.
- Молишься?
- Ой как, сыночек, молюсь! И за тебя, и за себя, за всех молюсь!
- А что читаешь?
- Ой, да Дарью Донцову читаю, гадость несусветная.
- Не читай. Давай я тебе Чехова избранные рассказы принесу. Хорошая книжечка, «Архиерей» называется.
- Да я же, сыночек, Чехова-то всего, можно сказать, наизусть знаю. У меня целое собрание сочинений его. Мне б что-нибудь жизненное...

РЕЗЮМЕ

(РАЗГУЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ)

Светлана, симпатичная молодая женщина, незамужняя, живёт в общежитии от института, в котором работает бухгалтером. Её потребности вполне естественны: улучшить свои жилищные условия, выйти замуж, помочь родителям. Света ищет дополнительный заработок, чтобы оплатить ипотеку. Пересмотрев гору объявлений, идёт на собеседование в приличную, вполне respectable (по словам рекламы) фирму. Ей предлагают заполнить небольшую анкету с рядом вопросов. Два из них вполне безобидные: «Ваше желание на сегодняшний день?» и «Какой вы представляете свою заработную плату?» Светлана честно отвечает на первый вопрос: «Желаю иметь свою двухкомнатную квартиру», а на второй совсем кратко: «15 000 рублей».

Каково же было удивление Светланы, когда она узнала, что в её услугах не нуждаются, ибо она засыпалась как раз на этих двух вопросах! На первый вопрос надо было ответить примерно так: «Желаю иметь загородный коттедж с гаражом и бассейном, а в гараже должен стоять новенький «Майбах». Второй вопрос предполагал краткий ответ, но в несколько другом варианте: «Зарплату не менее 10 000 долларов». Психология!

Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, с. Чугуевка

ГОВОРИТЬ И РАЗРУШАТЬ ЛЕГЧЕ, ЧЕМ ДУМАТЬ И СТРОИТЬ

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток

Валентин Яковлевич Курбатов, сразу безоговорочно принявший мысль о возведении на берегу Тихого океана святыни по примеру Изборской, поддержал добрым словом: «Мысль ваша о Кресте хороша, если бы они, правда, встали по краям Отечества на западе и востоке, раскинув руки, то, глядишь, мы бы ещё подержались. Будете слать нам свои земли, мы вам свои – и опять матушка Россия станет целой».

Он, конечно, понимал, да и знал уже по опыту, как непросто воплотить эту мысль. Создатели Холма и Креста на Псковщине столкнулись с трудностями, которых не избежать в стране отвязавшегося бесстыжего рынка: духовное делание не приносит гешефта, тут потребны бескорыстные жертвователи, а у нас всё больше – помешанные на процентах «инвесторы». Оттого заложенная в основание часовни во имя иконы «Державной» Божией Матери капсула ждёт-пождёт под Изборском своих мастеровых, четвёртый год растаяв травой и замерзая под снегом.

Но неистребимо в русском человеке желание благодати для родной земли, несгибаема вера в одоление вновь и вновь наступающих её смут и помрачений. И Валентин Яковлевич, хорошо представляя, какие препоны встанут перед создателями Холма и Креста на Дальнем Востоке, уже не мог прогнать эту почти запредельную мысль («То-то будет чудо, когда и у вас поднимется Крест») и советовал, с чего начать и к кому в первую голову обратиться. «...позвоните Александру Андреичу Проханову (мы только что говорили с ним, и он просил вас позвонить и поговорить обстоятельнее)...» «Есть духовное движение «Переправа», которое тоже принимало участие в установке Креста, и его руководитель Александр Иванович Нотин тоже готов вступить в диалог...» «Чтобы дело сдвинулось, надо как-то выйти на вашего владыку. Без церкви тут ничего не получится. А уж она, матушка, подстегнёт и остальных».

Оба Александра – Проханов и Нотин – отозвались заинтересованно и деятельно: «декларацию», или «обращение», как обозначил Валентин Курбатов статью «Сим победим», без проволочек напечатали газета «Завтра» и журнал «Переправа». Следом опубликовал её в «Литературном меридиане» Владимир Костылев, а Лидия Сычёва – на сайте «Славянство» и в интернет-журнале «Молоко».

Идею поддержал председатель Русского географического общества – Общества изучения Амурского края профессор Пётр Бровка, с одобрением воспринял архиепископ Владивостокский и Приморский

Вениамин, встрече с которым посодействовал поэт, православный учёный Юрий Кабанков...

Но Валентин Яковлевич словно чувствовал, как не просто – уже с первых шагов – будет утверждаться дело, какие сомнения начнут внушать люди и обстоятельства, противящиеся ему, и далёкий голос его был всё время рядом, предостерегая, поддерживая и со спокойной уверенностью ведя за собой.

«Дорогой Владимир Михайлович, не перегорело ли в вас желание сочинить крест погибшим белым и красным, «штурмовым ночам Спасска» и «Волочаевским дням» – чтобы помянуть обе идущие друг на друга стороны? Ко мне приезжал мой старый товарищ, директор музея Набокова под Питером, Александр Семёчкин и тоже загорелся этой идеей. У них там, в Выре (см. о ней в Набоковском «Даре»), где он живёт, погиб товарищ Раков – комиссар бывшего Семёновского, перешедшего к красным полка, когда полк решил поддержать Юденича, и сам потом сложил голову. Вот и надумал мой товарищ собрать их под одним крестом – комиссаров во главе с товарищем Раковым и семёновцев. Так, глядишь, мы и соберём русское сердце, и кресты наши протянут друг другу руки и обнимут нашу заблудившуюся матушку Родину».

«...вам не нужно непременно нашего размаха. Важно, чтобы Крест был, и к нему можно было приносить землю. И чтобы о нём знали – дело не в размахе, а в информации и в правильной, задевающей сердце интонации. А что оно необходимо, так, кажется, в этом и убеждать странно. Да только сердце нынче омертвело от тысячи ненужностей, которыми заполняется наша жизнь, и от всеобщности обмана. Ну, вот Крестом и воспротивимся».

«Главное, что идея укрепляется и выходит в дорогу. Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

Дело разворачивалось, но разворачивалось медленно, и отчего-то нет-нет да вспоминались слова Валентина Яковлевича: «Недавно в Псков приезжал Патриарх Кирилл, и мне представилась возможность сказать несколько слов. Нечего говорить, как я был рад этой возможности. Я сказал, что Литургия не зря начинается со слов дьякона «Время сотворити Господеви!», что вся русская история ждёт, когда мы назовём себя духовно, нравственно, идеологически и увидим свои ясные границы в саду мировых культур, но случится это только после того, как каждое русское сердце скажет: «Время сотворити Господеви!» Патриарх подхватил и замечательно развил эту мысль, напомним, что мир постарается задержать нас на пути этого названия».

И сразу же появились они – те, которым зачем-то надо задержать нас.

«Не соединить клятвопреступника Корнилова, отпущенного на все четыре стороны под честное слово, и героя-мученика Лазо, заживо сожжённого в паровозной топке Корниловым. Слишком разные у них были цели. Цель Лазо – очеловечить двуногий скот, цель корниловых – загнать народ в стойло».

«...идея единения «белых» и «красных» под сенью православного креста кажется утопической – не могу себе представить в постаменте креста барельеф со стоящими в обнимку Николаем Вторым, Лениным, Деникиным, Троцким, Корниловым, Сталиным, Колчаком».

«Вы что, хотите примирить добро со злом?»

«Никакого соединения не будет никогда...»

Это не было неожиданностью. Если бы не эти отрицатели, если бы все глядели в одну сторону, зачем тогда Крест прощения и единства? И без него найдётся, о чём радевать и молиться.

Несогласные голоса из «паутины» не вызвали великого удивления, а только предупредили, что работа предстоит серьёзная. Но обескуражил язык некоторых комментариев. Про запятые не говорю, однако перлы вроде «соединить», «героя-мученика», «буддистскую», «товарищ», «катеджи», «демогогия», «реприсированные» вызывают у меня физическую боль. Я почти уверен, что человек, не владеющий родным языком или вызывающе небрежно с ним обращающийся, не способен верно думать о судьбе своего народа. Прошу прощения у авторов, чьи цитаты был вынужден отредактировать.

Приговор Холму и Кресту принципиальными его противниками более или менее пространно аргументируется.

«...до сих пор неясно, кто в чем виноват, а если виноваты, то никто не покаялся – все стоят на своём. Красные говорят, что они свергали ненавистных кровопийцев, тысячелетие высасывавших кровь из народа, белые говорят, что они сражались не за собственность и привилегии, а за православную Родину (правда, в союзники призвали католическую Антанту и буддистскую Японию), попы тоже говорят, что они не за привилегии, а за веру православную. Все до сих пор люто ненавидят друг друга, особенно попы ненавидят красных, хотя к красным у меня больше доверия в их искренности, глядя на день сегодняшней и поведение попов и церкви. Вот если бы белые покаялись за то, что развязали кровавую гражданскую войну, красные – за кровавый террор после окончания гражданской войны, попы за подзуживание белых на развязывание гражданской войны и непреодолимую любовь к злату... А пока каются никто ни в чем не собирается, а без покаяния – какой крест?»

Автор (ВИКС) не заметил, что ниспровергает сам себя. Справедливо полагая, что примирение без покаяния невозможно, не хочет видеть, что возведение Холма и Креста как раз и является актом покаяния. Тут не менее важно (может, в этом и заключается главная проблема?): лично ВИКС, похоже, не очень готов к покаянию и прощению, поскольку заведомо знает, кто

обязан покаяться сильнее («к красным у меня больше доверия», а о «попах» и белых как-то уж слишком непримиримо, не слишком уважительно и чересчур сомнительно с точки зрения исторической правды).

У нас уже нет времени разбираться, кто перед кем больше виновен, и самая страшная наша беда в том, что мы не знаем подлинной своей истории.

Мне кажется, я понимаю, почему некоторые авторы не назвали своих имён под комментариями: «Цзаофань. Тыцкому. Не напрягайся, Вова, упрашивая «богатых людей раскрыть свои кошельки» и собирая «копечки» у нищеты на крест. Крест, и жирный крест, уже поставлен над росиянией в 1991 году, поставлен демократурой не без участия и Лёхи второго, и Кирьяна первого».

Интересно было бы узнать, за кого голосовал Цзаофань в годы новейшей смуты. Ничего не могу сказать о нём лично, но знаю тьму сограждан, мнение которых по самому широкому кругу вопросов удивительно быстро мимикрирует, всегда своевременно оказываясь на стороне тех, кого завтра они не отказались бы поставить к стенке. Однако не это главное. Главное: сколько наших соотечественников, подобно Цзаофаню, поставили жирный крест на своей Родине, которую уже нетрудно обозвать «росиянией»? Единомышленники у него есть. Один из них высказался предельно вдохновляюще и оптимистично: «...будущее России – кладбище радиоактивных отходов».

Ежели таких теперь достаточно для окончательной победы над нами, наивно пытающимися стоять за Россию, если они уже набрали критическую массу, то тогда и впрямь – припозднились мы со своими Холмами и Крестами. Но как-то не шибко хочется с этим смириться.

Некоторые оппоненты на зависть категоричны (непробиваемая манера определённой категории людей). Вот нам правда-матка – со всей пролетарской прямоотой: «011-01-07 12:39333 ...Давайте примирим насильника и жертву. Какие-то сопля, и неужели непонятно, что Красная площадь может быть только одна?»

Что тут скажешь? Против лома нет приёма, а аргументы лому не нужны. Да и без них – чего ж тут непонятного, понять любого-каждого не дуже сложно, стоит лишь хорошо захотеть. Тем паче – Красная площадь, действительно, одна. Да вопросик один, простенький такой вопросик, остаётся: вода-то – на чью мельницу?

Они, конечно, не на облаке живут, и под отдельными их словами не подпишется разве только слепой политик или тупой олигарх. Да ведь мы не об этом. То, что в нашем доме беда, ясно всем. А вот как всё-таки жить дальше, куда стремиться, возможен ли на нашей улице праздник, что надо сделать – лично мне, допустим, – чтобы страна выздоровела, а народ обрёл себя?

Наболело у всех. Разговор получается трудный. А спорить ни с кем не хочется. Обняться хочется, понять и полюбить.

«Виталий Р. О чём вы, Владимир Михайлович, – так много и так словотворно? О русской идее, о русской нации, о народе русском и многострадальном, о нашей стране – России? Без слов поминания великой страны – СССР, в которой мы с вами родились, учились, возму-

жали и работали: вы – политруком, я – на инженерной ниве! А Вы так скромно о ней – намёками, и о её героях на Дальнем Востоке. Неужто наша страна, СССР, не заслуживает признания ныне писателя-патриота, в угоду ли нынешнему лихолетью? ...Братоубийственный расстрел зачумлёнными, вооруженными до зубов и большими посулами, одними русскими других – безоружных – защитников Верховного Совета в кровавых сентябре-октябре 1993 года – тоже простить в угоду примирения? ...для меня Борис Михайлович Гунько – вот тот поэт, истинный патриот нашей Родины, СССР, не поступившийся принципами, не дрогнувший в своей вере до конца дней своих! О тех, «нейтралитет державших... и принародно расстрелявших свою великую страну» он написал и такие строчки:

Вы славу русского солдата
на тыщу лет втоптали в грязь,
и не надейтесь, что когда-то
простят расстрелянные вас.
... С Новым Годом, уважаемый коллега! В.В.Р.»

Нет, не хочется спорить. Теплится мысль, что горькое обвинение в нейтралитете, равном предательству, Виталий Р. мог бы с меня снять, прочти он хоть одну – любую – из двух с лишним десятков моих книг, увидевших свет до и после 1993 года (можно заказать у Э.В. Кочетковой <haos216@mail.ru>, если не жалко сотни другой рублей и не смутит, что Эльвира Васильевна передаст их в фонд, собирающий средства на возведение Креста, который не нравится оппоненту).

Мы плохо знаем друг друга и оттого часто, опасно часто оказываемся чужими среди своих.

К кому – к красным или белым, к друзьям или врагам заслуживающего всякого уважения Бориса Гунько отнесёт В.В.Р. другого поэта и патриота – испытанного Афганистаном и остающегося абсолютно последовательным офицером-коммунистом Виктора Глебовича? О тех же трагических событиях он пишет несколько по-другому:

Нас опять предадут и подставят под русские пули.
Вас опять предадут и заставят стрелять по своим.
Мы встречались, как братья,
в Ханое, в Гаване, в Кабуле,
А недавно – в Москве –
расстреляли друг друга сквозь дым.

Виноваты ли вы, виноваты ли мы – я не знаю.
Выполняли приказы, себя не щадили в бою.
Мы по жизни идём, как идут по переднему краю.
Мы стоим за Россию и, значит, стоим на краю.

Рвём погоны с плеча, поднимаем к виску пистолеты.
Но куда нам уйти от армейской несчастной судьбы?
Остаёмся в строю, чтобы Русь отыскала ответы,
Примеряя знамёна на ваши и наши гробы.

Так между чем и чем нам сегодня приходится выбирать? Между мучительным, неясным, но совместным, общим – другой уже давно невозможен – поиском державных ответов или пошивом знамен на гробы друг друга?

Дальше, дальше-то что?

Вот они уже срываются с языка добрых людей, знающих, как надо любить Родину, – указания кратчайшего пути к справедливости! Вот уже преподносятся как небывалое откровение необременительные рецепты спасения Отечества, которые всегда дорого выходили народу и ничего не изменили за последнюю тысячу лет. И вот уже уверенно и грозно звучат призывы к простому решению сразу всех ещё не решённых вопросов.

«...нужно волевое решение... без крови, хоть бы из одного носа, никакие серьёзные решения в человеческом стаде не проходят».

«Чтобы все выкинули из головы Бога и доброго царя и взялись за оружие. «Скажите мне, когда была без крови добыта свобода!?»/К.Рылеев/ ГКЧП имел такую возможность, но эти временщики испугались Ростроповича с автоматом на баррикадах. Тогда ещё Героев по пьянке бросили под танки... Это была провокация Ельцина с Грачёвым. Там нужно-то было послать взвод автоматчиков, чтобы разогнать всю шуштуру...»

Словно не было у нас кровавых междоусобиц, бессмысленных и беспощадных бунтов, революций и братоубийственных гражданских войн, не было тайных приказов и бдящих за всем живым охранок, не было острогов, тюрем, каторги, людоедских лагерей. Ведь было, всё уже было и не один раз повторилось, и всякий раз начиналось похоже и заканчивалось одинаково. Ну хоть чему-нибудь должен же нас научить многовековой опыт непрерывных и нескончаемых страданий и самоуничтожения!

Противники Холма и Креста опираются на два тезиса, так сформулированных одним из пользователей: «Это религия, Колчаки, Деникины тянут нас в средневековье, это Власовы и Со-лже-ницыны совершили то, что мы живём под этим флагом и этим орлом-мутантом. В Советском Союзе мы жили нормально, и, действительно, была дружба народов, и не только славян. При этой власти олигархи, Лужковы и Собчаки вместо тюрем сидят во дворцах-коттеджах, а простые люди влачат жалкое существование. Народ начал прозревать. Ему не ваш мифический бог нужен, а достойная жизнь и уверенность в завтрашнем дне».

Стало быть, камнем преткновения становится отношение к православию и к Советскому Союзу.

Владимир Костылев после выхода в свет «Литературного меридиана» со статьёй «Сим победим» прислал по интернету записку: «Всего за сутки прочитало более 200 человек», присоединив к записке несколько комментариев с сайта, в том числе и ответ на вышеприведённую цитату, который привожу здесь частично: «Ваши слова – яркий пример линейного мышления. К тому же непонятно, почему вы делаете вывод, что статья направлена ПРОТИВ так безгранично дорогих вам советских идеалов? Всё верно – с точностью до наоборот. Именно о будущем нужно побеспокоиться сегодня. В противном случае имеется вероятность, что будущее просто не случится не только для олигархов, но и для народа. Неужели вы всерьёз полагаете, что безусловное народное счастье заключается в глубоких вздохах по поводу безбедной жизни в СССР? Так

за окном другое время и другая страна. А жить надо, и вы правильно заметили: людям нужна «достойная жизнь и уверенность в завтрашнем дне». Автор статьи предложил свой вариант пути. А что можете предложить вы, кроме ненависти к «мутанту» и олигархам?.. Думать своей головой – очень полезный навык. Вот только непонятно, почему человеком, думающим своей головой, безусловно считающим себя умным, сделан вывод, что статья посвящена охаиванию советского строя и благодарственным одам в честь сегодняшнего беспредела? Складывается впечатление, дорогой Алексей, что вы невнимательно прочитали статью Владимира Тыцких, если вообще прочитали целиком. Статья-то – о другом. Статья-то – о национальном (!) проекте возрождения (!) России. Кажется, и вы не против возрождения Отечества? Или против? Если всё же не против, то очень странным видится ваше понимание возрождения – перестрелять часть соотечественников (олигархов, чиновников, ещё кого-то? или всех, кто не разделяет вашего мнения о будущем государства?) и петь осанны советскому строю.»

Я благодарен автору и хотел бы познакомиться с ним поближе (для него и всех, кому есть, что сказать и о чём спросить – мой почтовый ящик: Vladimirkaz@yandex.ru). И, коль скоро возникшая полемика неожиданно уклонилась от рассчитанного курса, поясню свою позицию. Я был и остаюсь советским флотским офицером и – по несбыточной, может быть, мечте – коммунистом (правда, безбилетным). Я глубоко убеждён, что капитализм, обрушенный на Россию, не предполагает всенародного равенства и счастья. Режим, превративший все подлинные достоинства человека в химеру, а самого человека в биологический придаток к технологиям и конвейеру по производству капитала, будущего не имеет. Царствующий над нами, угнетающий и уничтожающий нас пресловутый процент прибыли не щадит невозполняемых природных ресурсов, в том числе и самого человека (тоже ведь – производство природы или, как вся природа, Божье творение – уж это как кому нравится). Известный слоган гопников «Жизнь или кошелёк» стал ныне планетарным и трансформировался в пролог к апокалипсису: «Быть или не быть». Если мир не научится довольствоваться необходимым, а будет маниакально стремиться иметь всего (холодильников, машин, денег в кармане, счетов в банке) с каждым днём больше и больше, он обречён. Правящий балом тугой кошелёк, знающий одну цель – любой ценой становится ещё туже, рано или поздно сожрёт и богатых, и бедных.

Но социализм, который кажется (и, наверное, мог бы стать) единственно возможным спасением, нам, то есть Советскому Союзу вместе со всеми странами социалистического лагеря, надо признать, не вполне удался. Иначе мы бы не говорили об СССР в прошедшем времени. Тем не менее с современной Россией его даже сравнивать неприлично. Либерал-демократы радостно похоронили всё, что было хорошего (а было немало!) в нашем прошлом, но взяли и многократно приумножили всё ущербное, дурное и жизнеопасное. Результат виден всем – мы имеем то, что имеем.

Но кому предьявить счёт? Разве к нам пришли из-за

бугра танки супостата? И разве не бессмысленно спрашивать об этом у сильных мира сего? Амбиции политиков и ненасытность олигархов (в России это – два в одном) делают их глухими и слепыми: они не слышат нас и не видят, что рубят сук, на котором сидят. Однако я согласен с [Алисса Клаб](#): «Начинать надо со всеобщего прощения!!! Дать шанс каждому начать жить... Но жизнь строить сообща, не боясь своего, нового...»

Вот именно – не боясь своего. А новое для нас на поверку – забытое старое. Если мы не хотим оставаться убывающим населением и зомбированным электоратом, если мы хотим опять стать народом, нам следует вспомнить, кто мы есть и откуда пришли. Вслушаемся в родной язык: слово «крестьянин» происходит от «христианин». Страна наша от века крестьянская, землепашеская и со времён Владимира Красное Солнышко – православная. Тыщу лет она была такой – и на поле Куликовом, и в поле Бородинском, на площади Сенатской и в Цусимском проливе. Тыщу лет! А в атеисты нас загнали, как в своё время в колхозы и – потом – в фермеры, никому не дав достойной жизни. Тому ещё и век не минул.

Вопрос вопросов: что наши богоборцы будут делать вот с этим человеком?

«2011-01-12 09:31 Верующий. ОГРОМНОЕ спасибо Владимиру Тыцких! Читал, и слёзы медленно капали на клавиши компьютера. Ничего более патриотично-русского ранее не читал. Как примирить Российскую Империю, Советскую Россию и современную Российскую Федерацию?! Мне приходилось побывать почти во всех местах Руси, о которых пишет автор. Действительно, от Пскова до Владивостока – истинно русская земля, и никаким нерусским «ЦЗАОФАНЯМ-хунвейбинам» не удастся опорочить русскую историю и русскую веру. Псковская земля, Себежский район, тысячи озёр, температура зимой не ниже 20-ти, летом – не выше 30-ти. Идеальное место для проживания русичей, но народу тут уже нет. Среднее село состоит из 10-ти хат, а крупное село из 20-ти хат. И это результат политики всего 20-го века! А Приморье, Владивосток, уникальное природное место, кладезь всех лекарственных деревьев, кустарников и растений! Вот почему важно примирить «Чапаева» с «Колчаком». Но атеисты делают всё, чтоб продолжить разрушать Святую Русь...»

Сам крестившийся недавно и не смеющий считать себя настоящим православным верующим, я никого не тащу за шиворот в церковь. Но мне кажется очевидной прямая связь между полумёртвыми русскими деревнями, о которых пишет Верующий, и немногочисленностью православных приходов. Народ, церковь, государство переживают худые времена. Что же им – броситься в «последний решительный бой» каждого против всех или помочь друг другу?

У Русской Православной Церкви, подвергнутой беспрецедентному разорению и гонению в течение почти целого столетия, есть свои – и немалые – проблемы, но не надо вешать на неё всех собак. Если кто-то полагает возможным обвинить церковь в неслыханных державных бедах, то ведь высшая правда и в том, что без православия не обошлась ни одна русская победа. Вспомним хотя бы Великую Отечественную войну – с

чего вдруг большевик Сталин восстановил в СССР патриаршество?

Холм и Крест будут сооружены на Дальнем Востоке не во имя церкви, а вместе с церковью – во имя России и во имя всего (не только русского и православного) её народа. Олег Шелудько, который доставлял нас с Валентином Яковлевичем Курбатовым к Холму и Кресту под Изборском, пишет правильно: «Холм, мне кажется, должен называться «Холм памяти и единства Русской земли», суть его ты правильно обозначил: памятник народу русской земли».

Если мы, русские, отвергнем православие, то что мы сделаем, допустим, с нашими согражданами-мусульманами, с которыми несколько веков беззаветно служили единой стране под одними знамёнами? Вера православная, как не покажется это странным и нелепым для людей, скверно знающих отечественную историю, никогда не препятствовала многонациональному единству россиян, но чудесным образом спланировала разноплеменное население России, делая её непобедимой. Например, в Красноярске, в этом сибирском, сугубо, кажется, русском городе, далёком от разноязыких столиц, до революции 1917 года храмы, мечети, костёлы, синагоги и т.д. принадлежали 13 (тринадцать) вероисповеданиям, не просто сосуществующим, но живущим рядом и вместе. В державе, равно дорогой для всех и жертвенно хранимой всеми.

Перед Богом все равны, и Русская Православная Церковь сегодня, как всегда раньше, начиная с эпохи княжеских усобиц, демонстрирует охранительную веротерпимость и зовёт нас к единству. Она никого не разделяет, не раскалывает общество, уже расколотое до предсмертного состояния – с этим сомнительным делом успешно справляются гордые собой атеисты и иноверцы. Но никогда не поздно начать делать добро. Только надо понять для себя – в чём оно? Продолжать по ночам стаскивать мусор в остов дедовского храма или вместе с прихожанами из ближайшей к дому церквушки потихоньку-полегоньку обустроить свою душу и свою страну?

Видно, мы вовремя не расслышали библейское предостережение: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» (от Марка, 3. 24,25). Явилось время собирать камни, никак нельзя отложить его на потом – второго времени уже не будет. И не выйдет оправдать своё малодушие и безделье разговорами о непримиримости красных и белых.

К кому, к красным или к белым, мы припишем генералиссимуса Александра Суворова, чудо-богатыря русской военной истории, с его Фокшанами, Рымником, Измаилом, Альпами и проч., после того, как он загнал в клетку Емельяна Пугачёва? Что сегодня разделяет вождя дальневосточных партизан Сергея Лазо, стоящего во Владивостоке на постаменте памятника адмиралу Василию Завойко, с самим Завойко, организатором обороны Петропавловска-Камчатского от англо-французской эскадры во время Крымской войны? Кто он – красный или белый – Григорий Мелехов? Это ведь не просто художественный образ, литературный герой великого Михаила Шолохова. Это символ

трагической судьбы казачества, верой и правдой, не щадя живота служившего России и изведённого практически под корень той страной, которую мы так любим (и ведь есть, за что любить-то), но которой больше нет (и, наверное, это было как-то заслужено ею). Кто такой Аркадий Гайдар – самоотверженный борец за народное счастье, герой, погибший при защите Родины, или палач, без суда и следствия убивавший людей, за которыми не было никакой вины? Кто они, мученики Соловков, Колымы, «Норильлага»? Если они не враги или хотя бы не все – враги, то к какому цвету мы припишем их охранников?..

Не наш это вопрос. Одних уже примирила смерть, других она ждёт неизбежно, и каждый ответит за свои дела перед иным судом.

Однако это нас, пока ещё живых, кто-то очень целеустремлённый снова и снова делит на красных и белых. И пока мы гневно обличаем друг друга за неправильно выбранный цвет знамён, люди совсем другого цвета довольно наблюдают за нашим смешным и трагическим побоищем, вновь и вновь разводят народ по разные стороны баррикад и под сурдинку делят Россию, рвут на части, плюют в её прошлое, оскорбляют настоящее и пытаются лишиться будущего.

Что предпринять, как быть дальше – никто сегодня не даёт ответа.

Думать надо. Думать и потом – обязательно что-то делать. Только скажешь себе – всё бесполезно, всё кончено, так всё и кончится. Сразу и навсегда.

Не спорить надо обиде с обидой, не стрелять памятью в память, не бомбить правду правдой. Протрезветь, напрячь мозги, у кого они есть, да про совесть не забыть (опять прислушаемся к мудрому нашему языку, в нём нет слов случайных: в родной речи «свобода совести» и «свобода вероисповедания» по смыслу стоят рядышком). Да обеспокоиться не только своей судьбой, но и судьбой ближнего своего, понимая, что у тебя с ним и земля одна, и судьба, в общем-то, нераздельная.

Мы за красных? Или за белых?

Мы – за Родину.

А Родина у красных и белых – одна. И эта единственная Родина – наша. И пусть мы пока не знаем, что с ней станет, но судьба Родины в наших руках. И судьба эта зависит от того, сможем ли мы поставить памятники всем своим тысячелетним баррикадам, чтобы никогда больше не возвращаться на них, не оказываться по разные стороны и не палить свой в своего без всякой жалости.

А уж тогда, единым миром, сладим со всеми бедами и врагами, которых у России во все времена было в достатке.

От редакции

У каждого из нас свои маленькие и большие печали и разочарования. Но тем ценнее и ярче свет человеческих сердец, не очерстневших среди бытовых неурядиц. Во второй половине марта свои пожертвования на Холм и Крест прислали Лена Акимова из города Партизанска, Иван Кончатный и Геннадий Учанев из Арсеньева.

КАК Я ГРАФОМАНИЛ

Виктор АФОНИЧЕВ,
г. Искитим

За все школьные годы я за сочинение ни разу не получил пятёрку, а так хотелось на этом поприще быть отмеченным отличными оценками. Уже давно не школьник, но желание из слов составить предложения, потом из предложений выстроить красивые законченные высказывания с вложенными в них глубокомысленными умозаключениями не пропа- ло.

Историй знаю множество. Пытаюсь рассказать себе – получается увлекательно и смешно. Пробую другим – публика делится на две части. Одни перебивают рассказ, так и не дослушав его, и тут же начинают излагать что-то своё. Другие пятятся задом и уходят прочь.

Неудачи в попытках донести свою мысль до окружающих ранили, но не убили. Выплёскиваю всё на лист бумаги – ожидания не оправдываются. Опять рассказываю себе – снова получается увлекательно и смешно. Но в письменном виде сидящий в голове сюжет не излагается. Действующие лица отказываются друг с другом разговаривать.

Заинтересовываюсь, как там у них, у классиков? Беру с книжной полки томик Бунина, открываю на первой попавшейся странице, глазам предстаёт рассказ «Роман горбуна». Я на чистом листке сверху посередине строки пишу: «Роман толстяка». Читаю дальше: «Горбун получил анонимное любовное письмо, приглашение на свидание...» Я пишу: «Толстяк по электронной почте получил анонимное любовное письмо...» У Бунина: «Будьте в субботу пятого апреля, в семь часов вечера, в сквере на Соборной площади...» У меня: «...в центральном парке...» Далее: «...Я молода, богата, свободна и – к чему скрывать! – давно знаю, давно люблю вас, ваш гордый и печальный взор, ваш благородный умный лоб, ваше одиночество... Я хочу надеяться, что и вы найдёте, быть может, во мне душу, родную вам... Мои приметы: серый английский костюм, в левой руке шёлковый лиловый зонтик, в правой – букет фиалок...» В моей редакции: «...белая ветровка, в левой руке газета «Из рук в руки», в правой – сотовый телефон...» Читаю дальше: «Как он был потрясён, как ждал субботы: первое любовное письмо за всю жизнь! В субботу он сходил к парикмахеру, купил новые (сиреневые) перчатки, новый (серый с красной искрой под цвет костюму) галстук...» Я пишу: «...купил новую бейсболку, кроссовки, брюки и джинсовую куртку...» У Бунина: «...дома наряжаясь перед зеркалом, без конца перевязывал этот галстук своими длинными, тонкими пальцами, холодными и дрожащими...» У меня: «...дома, наряжаясь перед зеркалом, без конца на голове крутил бейсболку, то козырьком вперёд, то назад, толстыми пальцами, влажными от волнения...» У классика: «...на щеках его, под тонкой кожей, разлился красивый пятнистый румянец, прекрасные глаза потемнели... Потом, наряженный, он сел в кресло, - как гость, как чужой в своей собственной квартире, - и стал ждать рокового часа. Наконец в столовой важно, грозно пробило шесть с половиной. Он содрогнулся, поднялся, сдержанно, не спеша надел в прихожей весеннюю шляпу...» Я исправил: «...бейсболку...» И дальше продолжил переписывать текст: «...и медленно вышел. Но на улице уже не мог владеть собой – зашагал своими длинными и тонкими ногами быстрее...» Я изменил: «... зашагал своими толстыми, неуклюжими ногами...» У Бунина: «...объятый тем блаженным страхом, с которым всегда предвкушаем мы счастье. Когда же быстро вошёл в сквер возле

собора...» Я исправил: «...в центральном парке...» В оригинале: «...оцепенел на месте: навстречу ему, в розовом свете весенней зари, важными и длинными шагами шла в сером костюме и хорошенькой шляпке, похожей на мужскую, с зонтиком в левой руке и фиалками в правой, - горбуня». В моём изложении: «...в белой ветровке, с газетой «Из рук в руки» в левой руке и с сотовым телефоном в правой, - толстушка». Бунин закончил рассказ следующими словами: «Беспощаден кто-то к человеку!» Я не стал ничего менять, переписал слово в слово, как у классика, и поставил точку.

Сотворив, можно сказать, бессмертное творение, после чего появилось желание донести его до современников. Найдя в Интернете несколько десятков адресов литературных журналов, отправил к ним свой шедевр, подписавшись: Ваня Букин из Орловской области.

Три журнала ответили:

«Рассказ читается с интересом, к сожалению, опубликовать его в журнале не сможем. Не наш формат».

«В настоящее время мы не заинтересованы в произведениях представленной тематики».

«Ваш рассказ не подходит к формату нашего альманаха. Мы публикуем произведения в стиле традиционной русской прозы и поэзии. Уделяем внимание внутреннему миру героев, а не эпатажу».

И тут меня не убили. Раненый, но непобеждённый, решил на олимп подниматься из низов. В Интернете зарегистрировался на одном из литературных сайтов и как раз попал на один из конкурсов под названием: «Ералаш». Под ником Ваня Букин мой рассказ был опубликован. На сайте пошли отзывы:

«По-моему, рассказ тонет в подробностях, а конец неожиданно хорош. Вот если бы пара слов, как он представлял себе незнакомку».

«Не совсем понимаю, о чём рассказ? Думаю, и Миша (авторитет, старожил сайта) то же самое скажет. В плане техники – ничё. Нормально, в принципе. Средне. А вот с сюжетом автор недодумал, история яркой не кажется. Автор явно спешил под конкурс».

«А Миша скажет вот что! После «Какого цвета облака» (по всей видимости, конкурсный рассказ самого Миши) – этот рассказ мог стать вторым лучшим на конкурсе. Но!!! Если бы автор не скомкал интересную идею в комок и не похоронил её под словами: «...навстречу ему в белой ветровке с газетой в правой руке шла толстушка...» Всё что угодно, но не толстушка! Но и не красавица с рыжими волосами. А просто девушка в каком-то не по годам надетом пальтишке и в круглых очках. Она и газету спрятала под пальто. И делала вид, что просто гуляет под дождём (у меня не было осадков), и когда наш толстяк собрался уходить, она подошла к нему и дрожащим голосом спросила: «Извините, это я вам писала. Я, мне... извините, если я вам не нравлюсь, то я уйду». Жаль, очень жаль, что это не моя идея и не моя история. Я бы из неё все кишки вытянул. Мне даже не интересно, кто автор. Так как попрошу разрешения продолжить историю толстяка, а он не разрешит, а я больше просить не буду. И рассказ уйдёт в неизвестность».

Беспощаден кто-то к человеку!

НЕ ЖАЛУЮСЬ

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

28 апреля Александр Афанасьевич отмечает 75-летний юбилей. От имени авторов и читателей нашего ежемесячника мы поздравляем Александра Афанасьевича с этой торжественной датой и желаем ему крепкого здоровья, новых творческих открытий и искренних добрых читателей.

Редколлегия

К СОВРЕМЕННОМУ

Современник мой ретивый,
Баснописец удалой,
Лакируя перспективы, –
Повышаются активы,
Сочной зелени удой.

ГЛУБОКИЙ СОН

Собаčki свадьбы вспоминая,
Дни коротая в кабаке,
Сопит во сне страна больная
С палёнкой мутною в руке.

ПО-ПРЕЖНЕМУ

По-прежнему живём беспечно,
Упал – отжался, вновь – упал.
Гарцует на печи напечник,
И тот же злодырь правит бал.

ОТДАМ

Чтоб уцелеть в пучине вод,
Не кануть бессловесно в пламя,
Отдам лысеющую плоть
За нестареющую память.

О СУДЬБАХ ПОЭТОВ

Не стану повторять имён,
От сотворенья Рима –
Судьба поэтов всех времён
Горька и нетерпима.

СКУДНА ЗЕМЛЯ

Под глыбой многотонною
Холодного презрения –
Ни одного Платонова,
Ни рядового гения.

ЖАЛЬ

Бей. Дави! Рази!! Ужаль!!!
Всем, что под руку попало!!
Много есть на свете жал,
Только с мягким жалом мало.

УРОДАМ НЕТ ПЕРЕВОДА

Известные на сцене лица,
Спеша друг другу угодить,
Успели все осемениться –
Себе подобных наплодить.

УСПЕШНЫЙ

Всю жизнь порхал,
а не трудился,
Но ведь не скажешь, что debil,
За чей-то счёт обогатился.
Злословят: Музу подоил.

ТОСКА

С охотой к перемене пола
(с едой приходит аппетит),
Тоску по пиву и футболу
Скрывает юный трансвестит.

СЕТОВАНИЯ

Зачем, кому качать права?
Закона планка снижена.
У пня побрита голова
И сопка вся подстрижена.

СЕЛЬСКИЙ ХАРОН

Слетелись мухи к тёплой бане,
Спит богатырским сном Харон.
Котлету рыбную в кармане
Принёс с последних похорон.

НЕ ЖАЛУЮСЬ

Нет, я не жалуясь на множество
Невнятных истин прописных,
Что снова правят бал
ничтожества
С оттенком модной новизны.

МЕСТНЫЙ ФИЛОСОФ

Едва прознав про Гераклита,
Что был-де грек такой, философ,
Стал регулярно пить по литру,
Но не был пьяным, только розов.

В ЯЗЫКОВОЙ ПУСТЫНЕ

Примером для меня –
Иосиф Флавий.
Один, как перст,
в языковой пустыне,
Хоть не мечтаю
о посмертной славе,
Но пару слов оставлю
на латыни.

ПРЕЗИДЕНТУ США БАРАКУ ОБАМЕ

Была бы русской Ваша мама –
Пусть и с фамилией Барак –
Родился бы другой Обама,
Не ранчо бы имел – барак.

«ГОСУДАРСТВО» И «ЧЕВЕНГУР»

Вот какое случилось коварство,
Будто беды накликал авгур.
Грек Платон
написал «Государство»,
А Платонов Андрей «Чевенгур».

ВОЛКИ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Настолько смиренные у алтаря
В молитвенном экстазе
держат свечи
Два волка ли, матёрых блатаря,
По случаю лишь в облике овечьем.

СМЕНА ЭПОХ

Эпоха «Колы», пива «Пит»
Сменилась стужей, не оттаяв.
В каком коттедже мирно спит
Номенклатурный Чаадаев?

СПИРАЛЬ ИСТОРИИ

Сперанский. Декабристы.
Карамзин.
Пытаюсь объяснить
врагу ли, другу:
Когда сожжём
последний керосин –
В неволю вступим
по второму кругу.

КОЛЬ СОН ГЛУБОК

Гордыне нет земных заслуг,
На Божьей пажити.
Кто рвётся за колючий круг,
Судить прикажете?

Что ж, спи, страна,
твой сон глубок,
Сжимай соплю в руках,
Не над тобой, знать, голубок
Витает в облаках.

Солдат победы ослеплён,
А выжившие врут.
Живёт отчизна без знамён,
В фаворе новый Брут.

Мороз суров, и ночь длинна,
Да и луна бледна,
Вся на куски поделена
Любимая страна.

Не над тобой звенит струна
Извечных горних струн,
До днесь судьба отражена
В бетонном стоне рун.

На острых камнях Соловков
И на шихте слюды
Застыли слёзы мужиков,
Кровавые следы.

Раз мы не в силах превозмочь
Забвения печать,
То остаётся в эту ночь
На всю страну молчать.

2010

НЕ РАД

Коль ты рождён свободным,
Не ходишь на парад, –
Быть обречён голодным,
Не будешь жизни рад.

Изношен ли, потаскан,
Насколько изнемог,
В сознании бунтарском,
Знай, ты не одинок.

И сколько б ты ни прожил,
Дерзай, твори добро,
Неси сердечный прожиг,
Посмертное тавро.

Не трогай только свору,
Оступишься – порвут,
С нелепым приговором
Окажешься во рву.

На дне глубокой ямы
Трагической судьбы,
Где вспоминают маму
Несчастные рабы.

Под звуки листопада
На свет из темноты
Пойдёшь кругами ада
С такими же, как ты.

2010

ПРИЧЕТ ПО МАТЕРИ-РОДИНЕ

Не поднимал из гноища куска,
Не целовал покрашенную суку.
Не отряхнуть мне изморозь

с виска,
Не полюбить бичующую руку.

И пращуров своих
мне не предать,
Длиннот ночей не сосчитать
бессонных.

Хватило б сил
расслабленному встать
На тихий позвон
безъязыких звонниц.

Удастся ли беспечный сон
прервать
И кинуть клич свой:
люди городские!

Довольно вам в глаза друг другу
врать,
Что сделали мы
с матерью-Россией?!

Казалось бы, колючих нет сетей,
Надуманых делишек

многоотомных,
Но сколько наплодили мы детей
Опущенных, голодных
и бездомных!

Все видят: пахарь пущен
на распыл,
Из года в год клин усыхает
пашен!

Хозяин был, да вот,
куда-то сплыл,
А результат временщикам
не страшен.

Услышат ли юродивого зов,
Достаточно ли праведных
усилий?

Поколебима чаша ли весов
Поруганной и попоранной
России?

На правую ли грань её качнёт
Иль кинет вновь
в бушующую бездну?
Враги твердят:
пошёл останний счёт,
И призывать уснувших
бесполезно.

2010

* * *

Из года в год метут метели,
В лёд превращается вода,
Звенят блестящие качели,
Качая в небе провода.

Сорвал за утро горло кочет
И в ясный полдень не поёт,
Мужик всухую есть не хочет
И из постели не встаёт.

Спит в закутке селетний боров,
На стенке ходики стучат,
Под бабий визг, без разговоров,
Ветеринар, являя норов,
Как куриц, щупает девчат.

Шалун гарцует на овчарке,
Своих подружек веселя,
Дым из колхозной кочегарки
Рисует в небе вензеля.

Дед-гужеед пимы тачает,
Над избами плывут дымы.
Мороз всюю права качает
На перекладине зимы.

2000

КОНСТАТИРУЮ

Кто б мог предвидеть,
что сегодня,
Когда противен стал елей,
Попрёт упырь на свет Господний
Из всех немислимых щелей.

ГОЛУБИНАЯ ПЛОЩАДЬ

Слетаются голуби бледные,
Любого бери и голубь,
Того – за таблетки «целебные»,
А этого – можно за рупь.

САЛЮТ!..

Салют родимому ландшафту!
Привет всем недрам и глубинам!
Братва к рукам прибрала шахты,
А нам оставила дубину...

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ

Нина ИСАКОВА,
г. Уссурийск

ТЫ ДОСТОИН СЧАСТЬЯ

Заботы каждый день твой
стерегут,
Чтобы смутить гармонию покоя,
Заполнить, стать жёсткою
стернею
На той дороге,
что судьбой зовут.

Они вздувают жилки на висках,
И день от них щетинится
крапивой,
И ночь горька
в пространстве молчаливом,
Но дух мятежный не сдержат
в тисках.

Так солнце за спиной горы –
не скрыть,
Ведь в ярком свете мир звучит
иначе!
И блеск улыбки принесёт удачу,
С ней легче все проблемы
разрешить.

Не пей тоски отравленный
настой!
Держись подальше от такой
напасти.
Лишь вера в то,
что ты достоин счастья,
Вернёт душе утраченный покой.

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ

Ничего не хочу в этой жизни
менять:
Ни семейной мозаики
сложную кладь,
Ни диван, ни картину,
ни чашку мою,
Из которой я чай
с наслаждением пью.
Пусть всё будет, как есть,
так спокойней душе.

Мне уже не напрячься
в крутом вираже.
Виражи, виражи...
Сколько пройдено их!
Но себя не корю
за стремительный вихрь
Чувств и мыслей в минуты
потерь и мольбы,
Ведь судьбу обуздать
нелегко без борьбы.

Что-то в ней не сбылось,
хоть жaley не жaley.
Мне гореть, а не тлеть
суждено было в ней.
Отгорела... Года поубавили пыл,
Но врачует друзей моих
преданных тыл.
Да ещё мой уютный
приветливый дом,
Где я свято храню
всё привычное в нём:
Старый мудрый диван,
книги, чашку мою,
Из которой я чай
с наслаждением пью.

КРУЖЕВА СУДЬБЫ

Шаги мои замедленны и тихи.
День солнцем напоён.
Впервые не спешу
И в золотые на асфальте блики,
Как в кружева судьбы своей,
гляжу.

Перед глазами –
годы вереницей.
Я на экране памяти хочу
Запечатлеть знакомые мне лица
И, как молитву, имена шепчу.
Иду дорогой, будто по музею,
Друзей моих всё шире,
шире круг,
И взгляд свой оторвать не смею
От лиц смотрящих на меня
подруг.

Мелькают кадры,
уплотняя время,
И судьбы наши
в нем переплелись.
Мы вместе, сообща несём
то бремя,
Которому одно названье –
жизнь.

ЧТО НИ ДЕНЬ – СУДЬБЫ ЗАРУБКА

Что ни день – судьбы зарубка,
Непридуманный сюжет.
«Не дремли в ночи, голубка,
Для тебя простое нет!»

Голосов сплетенье, лица –
В голове идёт расклад.
Над столом моим резвится
Рифм полночный звездопад.

Память всё хранит – до точки,
Не отвертись никак.
Громоздят мысли в строчки,
Начинают жить в стихах.

ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА

Ровесник мой и старый ветеран,
Кто силой воли одолел
невзгоды
И тот, кого крестил огнём Афган,
И кто в дыму Чечни
встречал восходы,
России верный сын
и мой собрат,
Земли московской
или уссурийской,
Кто свято звание несёт
«солдат»,
За ратный труд
прими поклон мой низкий!

ЧАСЫ ПРОГУЛОК

Вера САЧЕНКО,
с. Чугуевка

ПЛАЧ ПО ГРУЗИИ

К событиям в Цхинвали

О щедрых слёз живая милость!

Мтацминда, плачь! Твои сыны
В безумной этой круговерти
На варварский алтарь войны
Безвинные собрали жертвы.

О слово, что детей омыло!

Плачь, буйволиная Кура,
Забудь о радостном напеве.
Вновь для тебя пришла пора
О валуны разбиться в гнев.

О соляных столбов череда!

Плачь, Грузия! Что голос стих?
Где доблесть и отвага тура
Гортанных прадедов твоих,
Разбивших турок и Тимура?

О участь горького стыда!

Высоких облаков метель,
И ласточки гнездо под сводом,
Вода, где плещется форель,
Лоза, целующая воду.

О не плывите, облака!

И поросль юного ствола
У мирной вековой дубравы...
Земля поэтов родила
Не песни, а худую славу.

О материнская тоска!

Струною сердца память тронь.
Мы все пред общим небом
братья.

О Грузия, прими ладонь
Для обоюдного пожатья.

О пережили вас зачем?

О пепел, что и глух, и нем.

* * *

Ночь от зависти бесится,
Часы считает.
На рогах у месяца
Звезда золотая.
Зыбкая звезда, старая, старая,
Не угнаться ей
за звёздной отарою.
Там, где была и небыль
встречаются,
Примостились на рогах
И качается
Над темнеющей спящей нивою.
До чего ж мы всё же счастливые!

КРЕЩЕНИЕ

Водосвятия начало.
Серебрится аналой.
Деревянный крест венчает
Белый голубь ледяной.
Вода крещенская –
богоявленская.

Пусть с крестным ходом
шестьует метель,
Как будто знает правду
за собою.
Омоет нас крещенская купель
С пят до макушки вербную
водою.

Снежинок спелых расцвела
герань.
От ладана и небеса пахучи.
Как радостно сияет Иордань!
Как сердце веселит мороз
трескучий!

Всё чёрное в заветный
этот час
Искрящей солью в проруби
растает.
Свет покаянья озарит и нас,
Покрестит ночь январская
святая.

Звезда пронзит промёрзшие
кусты,
Путей-дорог себе не выбирая.
Как тело заскрипит от чистоты!
А уж душа! Душа-то заиграет!

Но тайная нахлынет вдруг
печаль,
Так, словно умер кто-то
очень близкий.
И вздрогнешь от чего-то
невзначай,
И поцелуешь крестик
материнский.

Вот и Святкам конец!
Станешь ты молодец,
Как снежок – чистый,
Как ледок – крепкий.
Тёмное совлекается,
В светлое облекается.

* * *

Прощаюсь с колченогим
стулом.

Пусть ждёт безропотно.
Приветствую часы прогулок
Счастливо-хлопотных.
Часы нелепостей, нешалостей,
Огромностей и малых малостей.

Бросаю взгляд потусторонний
Вокруг да около.
Вот юная грустит ворона
О ясном соколе.
Я тоже непростая птица.
Явь явствует, а блажь
блзняется.

И океан хорош. И суша.
Всё живо! Дышимо!
Не задушить бы наши души
Тем, что возвышенно.
Гуляю в скверике изнеженном
Вороной белою, заснеженной.

СЛУЧАЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Витольд ЯДРЫШНИКОВ,
г. Владивосток

Танкер «Башкирнефть» был построен в Финляндии. На Дальний Восток был перегнан в 1957 году и вступил в состав флота Дальневосточного пароходства. В те годы танкерами занимался специальный инспектор отдела кадров, а отдельное танкерное пароходство (теперь Приморское) было образовано в 1969 году с управлением в Находке. И вот после окончания практики на танкере «Серго», сдачи документов в дипломную группу капитана порта, получения первого рабочего диплома, я, новоиспеченный четвертый механик-дизелист, был направлен на танкер «Башкирнефть». Судно небольшое, имело всего по четыре танка на каждом борту и принимало груза около 950 тонн. Вторые грузовые танки судна использовались под балласт при порожних переходах. Стояло судно на линии «Порты КНР – Владивосток» и перевозило не нефтепродукты, а растительное масло. Судов подобного типа в Дальневосточном пароходстве было шесть, танкер «Башкирнефть» из этой серии был самый новый. Конечно, перевоза такой специфический груз, судно выглядело чистеньким, аккуратно покрашенным. Что и говорить, попасть на него было

мечтой многих. Рейсы по 12 – 13 суток, возможность пользоваться в КНР пятидесятипроцентной скидкой в центральных магазинах. Не в пример теперешнему ширпотребу и товарам из «поднебесной», качество товаров в КНР в 50-е годы было превосходным, изготавливались вещи из натуральных материалов: чистой шерсти и кожи. Все это делало работу на этом судне престижной. Да и судов, ходящих за «кордон», в пароходстве было немного.

В моем заведовании, четвертого механика, были механизмы, обслуживающие быт экипажа, паровой котел, грузовая система с механизмами и обогревом. Среди механиков должность четвертого именовалась так: «начальник г...на и пара». Работы хватало и после вахты. Например, после утренней, как правило, еще часа на два – три. Экипаж подобрался дисциплинированный: все знали, что за нарушение мигом спишут в «каботаж». Поэтому даже рядовой состав не роптал, когда приходилось перерабатывать. Судно ходило по расписанию, и его механизмы должны были работать всегда исправно. Для сдачи груза в порту Владивосток был оборудован специальный причал. Прямо у ворот

на Эгершельд. Груз сливали в цистерны Уссурийского масложиркомбината. Тогда еще существовал виадук для выхода-входа в порт рядом с теперешней товарной станцией Эгершельд и теперешний остановкой автобуса «Казанский храм». И вот через этот виадук после прихода из КНР экипаж, увольняемый на берег, выходил на остановку автобуса. Редко можно было поймать такси. Тогда таксопарка на Эгершельде не было, а автобус разворачивался на этой остановке. Живописная это была картина! Кто катит по виадуку ножные швейные машинки, кто тащит сумки с фруктами, одеждой – знаменитыми кофтами, свитерами, шальями из верблюжьей шерсти, с отрезами бостона, габардина (кстати, отечественного производства).

А как были одеты сами! Кожаные, на отстежном меху канадки, кожаные перчатки, шапки, цветные шерстяные шарфы, кожаная добротная обувь! Выглядели мы, честно говоря, на зависть. Ведь городская молодежь в те годы вместо пальто носила зачастую флотские бушлаты, непременно хромовые сапоги (ни в коем случае не с загнутыми голенищами!), кепки-восьмиклинки «шанхайки» без всякой пуговки на макушке и с малюсеньким козырьком. Стоила такая кепка на барахолке семьдесят рублей. А если у кого-то имелся макинтош (мАкен), мечта моряка! – про того говорили: влАтан (одет, значит). В центральных кинотеатрах – «Родина», «Уссури», «Приморье» – для моряков заграничания были сделаны специальные окошечки сбоку касс или можно было зайти через центральный вход, предъявив «мореходку», и купить без всякой очереди два билета. Какой повод для знакомства!

В КНР в каждый наш приход-отход портовые власти ставили штампы в наши «мореходки». Да, это были штампы: львы, какие-то вензеля, аканты, маяки... Глядя в паспорт, диву давались! На обороте первой страницы внизу красовался отпечаток большого пальца правой руки! Даже по прошествии более пятидесяти лет не забыть мне прямо-таки курьезный случай. В один из приходов из КНР мы с электромехаником Валентином Цыгером, будучи в городе, поехали на трамвае на стадион «Авангард». Прямо у центрального входа, где и сейчас колонны, была остановка. Вышли через заднюю дверь – и вот он, блюститель порядка, сержант. Козырнул и после вопроса: «Почему вышли через заднюю, а не через переднюю дверь? Почему нарушаете порядок?» – попросил предъявить документы. У нас были обычные наши флотские удостоверения, но куда там! Мы решили щегольнуть. Достаем свои «пурпурные книжицы» и подаем. Они, действительно, темно-красные, на обложке – СССР. Уже по тому, как сержант взял наши «мореходки», мы поняли, что держит он их в руках впервые. Обычные паспорта – это серенькие корочки и меньшего размера. Парень был молодой, видимо, на своем посту первоодок. Когда открыл корочки и увидел, что наши данные написаны по-английски, а дальше – отпечаток пальца, а в конце – все эти заграничные штампы, мы увидели, что он растерялся. У кого это он взял документы? Сложив оба паспорта, вернул их нам со словами: «Что же вы, товарищи, и у себя на родине нарушаете поря-

док?» Мы его уверили, что нет, мол, и что здесь тоже больше не будем нарушать.

Да что говорить! Отношение к морякам заграничания в то время было особым. Для нас это продолжалось до 1960 года.

В портах Шанхай, Дальний, Циндао, Цинвандао, Тяньцзинь мы брали растительное масло разных сортов: подсолнечное, соевое, арахисовое. Уже при подходе к судну чувствовался аромат перевозимого груза. Плохо было одно: маленькие стоянки. Бывало и меньше суток. При сдаче груза ко всем семейным приезжали жены с детьми и находились в каютах. Всегда ведь еще была работа по ремонту и профилактике, и членам экипажа отлучаться домой не удавалось. Донкерман наш (помповый машинист) Гусаков Андрей Иванович, бывший фронтовик, обязан был быть на судне на все время слива груза, так сказать, до закрытия границы, до закрытия документов. Груз то импортный, и таможенники присутствовали на судне до конца его сдачи. Я, молодой (двадцать два года) и холостой, зачастую отпускал Андрея Ивановича домой, а сам сдавал груз. Систему я знал хорошо, и капитан не возражал. Бывало, что за две стоянки во Владивостоке у меня не было возможности сходить на берег. А уж когда удавалось хоть вечер провести на берегу, то слышал шутовое напутствие: «Слышь, друг, как выйдешь за проходную, то не забудь нужную деталь костюма заранее расстегнуть!»

Такая уж судьба у танкеристов: сдача груза от погоды не зависит. Подсоединил шланги – и пошел груз, а потому и стоянки очень коротки. Зато к июню 1960 года наши стоянки в портах КНР стали затягиваться. Если в прежнее время для погрузки хватало полутора – двое суток, то теперь мы грузились по четверо – пятеро суток. Начались какие-то непонятки то с поставкой цистерн (грузили нас с колес), то с отсутствием груза. Экипаж на увеличение стоянок реагировал просто: больше дней – больше юаней. А все же чувствовали: что-то неладное происходит. Китайцы не такие уже внимательные, общаются неохотно. Однако рейсы продолжались. Но, как говорится, все хорошее, как и плохое, когда-то кончается. В КНР началась культурная революция.

Очередной рейс был в порт Тяньцзинь. До места погрузки нужно было идти против течения по реке. Естественно, у поста управления – вахтенный механик, присутствует старший механик. У главного распределительного щита – электромеханик. На мостике – капитан, старпом, рулевой матрос, на баке – третий штурман, боцман. Швартовые матросы – на корме и баке. Все шло хорошо. Я уже был третьим механиком. Запустил дополнительный дизель-генератор, электромеханик взял его в параллельную работу. Питание на брашпиль и шпиль было подано, якоря приготовили к отдаче. Все – как того требовали Правила при проходке узкостей, каналов и, как в данном случае, реки, при швартовках. Все шло спокойно: я – у поста, электромеханик – у ГРЩ. Старший механик ушел на мостик, что было нарушением. Но он на нас надеялся. На площадке у ГРЩ находился пусковой

моряк, видя такое дело, отдал якорь, не дожидаясь команды с мостика. А все эти секунды (!) электромеханик мечется у щита: меняет предохранители. Заменяв, запускает рулевую машину, торопится и снова касается поводком реостата крышки! Снова короткое замыкание, а предохранителя запасного больше нет! Вижу, зубами срывает с куска провода изоляцию и вставляет оголенные провода в корпус предохранителя. Но на этот раз, оценив, к чему приводит неаккуратное обращение с рукояткой, благополучно руль-машину запускает. Уже дали с мостика «Стоп». Я сообщил на мостик, что все в порядке. Тут спускается стармех...

реостат рулевой машины. На крышке – смотровое стекло, видны контакты и поводок реостата. Это была старая конструкция, теперь уже таких давно нет. И вот электромеханику, туда-сюда ходившему по площадке у главного распределительного щита (она была выше настила палубы машинного отделения метра на полтора), показалось, что поводок реостата не доведен до конца. Он взялся за рукоятку поводка и попытался довести его до последнего контакта. Хотя в действительности все было в порядке. Надавив на рукоятку, да, видимо, сильнее обычного, коснулся поводком (а он под током!) крышки. Сразу – короткое замыкание, сгорает предохранитель рулевой машины, и руль-машина судна обесточена. Ну а судно, идущее полным ходом по реке против течения, становится неуправляемым.

Я от поста управления хорошо видел вспышку в реостате, хотя не сразу понял, что случилось. И тут же с мостика команда телеграфом: «Полный назад!» У нас, молодых механиков, было принято за правило: уметь быстро пускать и реверсировать главный двигатель. Очень это сейчас пригодилось! Быстро ответив телеграфом на мостик, даю главному двигателю «Стоп», пускаю машину на задний ход, и тут же повторно дважды телеграф с мостика: «Полный назад!» Чую, что-то неладное случилось. Корму судна подбрасывает от работы на задний ход на предельной нагрузке. Телефона на судне не было, а имелись переговорные трубы со свистком. Работает двигатель назад, и слышу – свисток. Снимаю переговорную трубку, а из нее истошный крик: «...у вас?!» Отвечаю: «Выбило рулевую машину. Исправляем». Река в этом месте делала поворот (вот он, закон подлости, в действии!), и мы едва не выскочили на берег. Боцман Ищенко, опытный

Даже по прошествии многих лет я удивляюсь, как быстро это все происходило. К моменту, когда старший механик спустился в машинное отделение, дважды была выведена из строя рулевая машина и дважды успели ее запустить! Как опасность увеличивает мобильность! И еще успели перемолвиться: мол, не знаем, отчего рулевую выбило из работы.

После выборки якоря пошли на место погрузки. И уже после того, как пошел груз, нас вызвал капитан для «разбора полетов». В основном, конечно, отвечал электромеханик. Перегрузка! Что-то попало тяжелое под перо руля при переключивании штурвала на повороте реки! Поддержал эту идею и стармех: «Виноват ли электромеханик в выходе руль-машины из строя?» Тем не менее мы оба написали объяснительные. Что касается меня, то удостоился похвалы: быстро отработал «Полный назад!». В вахтенный машинный журнал были сделаны соответствующие записи. Появилась надежда, что дипломов на какое-то время нас не лишат. По приходе во Владивосток вызвали водолазов для осмотра руля, прибыл электромеханик-наставник из механико-судовой службы. Естественно, никаких повреждений руля или вообще неполадок в электрохозяйстве обнаружено не было. Следы от короткого замыкания на крышке реостата были тщательно зачищены, все необходимые запасные предохранители приведены в порядок. Так и решили: это были форс-мажорные обстоятельства. А так как все эти выяснения заняли четверо или пятеро суток, за грузом в КНР отправили большой танкер «Памир». На этом наша работа на китайской линии завершилась. Увы!

Так вот иногда отработывалась наша морская профессия! Случай на всю жизнь!

ПОДСТАВЫ ПЕЛЕВИНА

Ольга ЛЕВАШОВА,
с. Чугуевка

В классе девятом я упражнялась в стихосложении, желая немного подразнить маму, всегда ждущую от меня романтической слюнявости. Сейчас уже точно не помню, но выглядело это примерно так:

Темнота обнимает дома
В этот синий, искрящийся вечер,
Так и ты обнимаешь меня,
Обхватив сзади нежно за плечи.
И с тобой мне легко и тепло,
Не хочу я с тобой расставаться
Отступает вдруг всякое зло,
Но опять, снова нужно прощаться.
Не хочу без тебя, не могу!
Покидаешь меня? – Очень жаль...
Оставляешь меня на снегу
Замерзать, моя милая... шаль?

Читалось это все очень романтическим голосом, а подставка (речь не о любимом, а всего лишь о платке!) обнаруживалась только на последнем слове. Ничем, кроме эксперимента, упражнения, я это назвать не могу. И претензий на художественность не имею.

И вот читаю почти то же самое у известного писателя Пелевина, в «Нике». Долгое романтическое повествование кончается такой же самой подставой: оказывается, автор все это время говорил не о любимой девушке, а о кошке!

Конечно, можно было бы попытаться защитить автора, предположив, что идеей сего повествования было показать, что у человека в жизни бывает не только одна-единственная и неповторимая любовь к женщине, но и к кошке. Я это понять очень даже могу, думаю, мое мнение разделят и читатели: даже если в процессе жизни рядом с нами живет много кошек, лучше всего запоминается, как правило, только одна. В одном из крылатых выражений о кошках находим: «Вы не любите кошек? У вас просто еще не было СВОЕЙ кошки».

Может, именно о той, «своей» кошке и пытается рассказать нам автор? Но нет, по ходу повествования несколько раз подчеркивается, что лирический герой равнодушен к Нике-кошке и только ее внутренний мир ненадолго заинтересовывает его. Даже в момент ее гибели герой остается к ней равнодушен: «Я не чувствовал горя и был странно спокоен». Но и то единичное упоминание о привязанности героя к кошке – «никогда не буду стоять у своего окна, держа на руках другую кошку» – лишь для того, чтобы повысить эффект подставы: не девушку, а кошку. Так что идея о такой «своей» кошке не подтверждается, а

следовательно, текст не может претендовать на эстетически художественную высоту. Этот текст не более чем упражнение писателя в умении воздействовать на читателя. То, что автор умеет воздействовать на читателя, это единственное, в чем не усомниться.

Однако автор делает попытки возвысить текст, упоминая писателей Бунина, Газданова, Набокова, музыкантов; их герой слушает или читает. Казалось бы, наконец-то есть о чем сказать: расширение пространства повествования, постмодернизм, интертекстуальность! Но весь полет обрывается неожиданно и неприятно: «даже от блестящего Владимира Набокова ... остались только два печальных глаза да фаллос длиной в фут (последнее я объяснял тем, что свой знаменитый роман он создавал вдали от Родины)». И кажется все не более чем издевкой над текстом, традициями, издевательством над читателем с помощью усвоенных писательских приемов. Что, кстати, сам он и подтверждает: «А вообще в русской литературе было много традиций, и куда ни плюнь, обязательно какую-нибудь продолжишь». Налицо наплевательское отношение к литературе и чрезвычайно высокое самомнение: одним плевком, не напрягаясь, он продолжает великие русские литературные традиции. А о том, что до этого уровня еще нужно дорасти, и речи нет. Он популярен, он много написал. Так исправьте, маэстро, хотя бы логические ошибки, бедность словаря и повторы в своих произведениях. В той же самой «Нике» кошку герой «ни разу не видел за книгою» и «дневника ... она не вела», а когда она не отвечала на его вопросы, он этому очень удивлялся. А еще сиамская кошка обладала зелеными глазами. Может быть, это особенная, литературная кошка, потому что обычно у сиамских кошек голубые глаза.

Так крылатое выражение «Вы не любите кошек?» можно переделать по-пелевински, с подставой: «Вы просто не умеете их готовить».

О бедности словаря и повторов сказал Семен Ульянов (его статья «Пелевин и Пустота» была опубликована в «Русском журнале» 13.04.98). процитирую его, а он процитирует Пелевина: «У Пелевина есть стиль. Это стиль школьного сочинения «Как я провел лето». Автору не мешало бы поучиться у Обломова, которого Гончаров заставил мучаться из-за составляемого письма, потому что в нем выходило «два раза сряду что, а там два раза который». Чтобы стать писателем, недостаточно просто знать слова, а Пелевин и слово, прямо скажем, знает совсем не много. И скудость

его словарного запаса легче всего показать на примере глагола «быть», которым кишат страницы романа. Иначе как с его помощью автор, видимо, не в состоянии осуществлять процедуру описания. Вот абзац, состоящий всего из трех предложений:

«У нее была длинная серебряная рукоять, покрытая резьбой, – на ней были изображены две птицы, между которыми был круг с сидящим в нем зайцем... Рукоять кончалась нефритовым набалдашником, к которому был привязан короткий толстый шнур витого шелка с лиловой кистью на конце. Перед рукояткой была круглая горда из черного железа; сверкающее лезвие было длинным и чуть изогнутым – собственно, это была даже не шашка...» (с. 91-92, Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1997).

И дальше Семен Ульянов говорит о примитивности языка Пелевина, о клише, которое использует Пелевин, о стебе как о методе и многом другом, а завершает тем, что напоминает автору: «к классике хотя бы иногда стоит прислушиваться».

Не одна я, оказывается, «нападаю» на Пелевина, это было уже сделано больше десяти лет назад, но до сих пор есть что добавить.

Когда в институте на последнем курсе филфака мы, студенты, изучали современную литературу, конечно, никак не могли пройти мимо Пелевина. А, надо сказать, все современные произведения мы пытались разбирать, а не только пересказывать. Я бы назвала это попыткой критики. Конечно, на нашу участь выпадали только «мысли по поводу», ничего не обещающие и не угрожающие самим авторам, и, конечно, вряд ли им интересные.

Так вот, когда пришла очередь Пелевина тренировать наши «мысли по поводу», мишенью для этого стал его рассказ «Жизнь и приключения сарая номер XII», скорее всего, из-за его малого объема, ведь что-то большее студенты могли бы и не осилить по разным причинам (главной была, конечно, банальная студенческая лень), а вот выкрутиться можно было словами «Не понимаем!» Но извините, это же не Джойс или Пруст, их, действительно, понять не всем удастся. Но ближе к делу. «Жизнь и приключения сарая...» пришлось прочесть.

На разборе мне сказать было нечего, так была возмущена. Я написала в своей тетради: «Жизнь и приключения туалета номер 1205», а больше сказать было нечего. Рассказ этот вызвал такие неприятные читательские эмоции не содержанием и не стилем автора, а, как мне показалось, его бездушием. Он просто играл эмоциями читателя, не преследуя при этом никакой благородной цели типа воспитания личности или оголения пороков общества. Привыкая ко всему этому, я не нашла этого у Пелевина и почувствовала подставу. Кстати, в рассказе о сарае не сразу говорится, что главный герой – сарай, сначала описывается, так сказать, его внутренний мир. Зная, что по одному произведению судить автора не имею права, я прочла некоторые другие. И возмущение по поводу текстов этого автора только окрепло.

В его текстах нет жалости. Нет воспитания, а ведь литература воспитывает, учит жизни, рассказывает о добре и зле, формирует человека. Если даже писатели и поэты и показывают жестокость мира, то ради того, чтоб через чувство жалости сделать человека добрее. В тексте автор сам жалеет своих героев либо дает читателю возможность испытать это доброе чувство. Примеров можно привести сколько угодно, но мне приходит на ум рассказ Платонова «Корова», который изучается еще в школе. Многие плакали, жалея платоновскую корову. Пелевинскую кошку не жалеет автор и не дает жалеть ее читателю, подбавляя неприятных, гадливых чувств. Герой размышляет, что воспринимает Нику не такой, какая она на самом деле, он подобен Гумберту, который принимал «жирный социал-демократический локоть в окне соседнего дома за колено замершей нимфетки». То же самое и в других текстах. Никакой жалости. Даже к себе. Главный герой «Омон Ра» говорит о себе: «Мною овладело очень странное состояние – я чувствовал апатию и безразличие ко всему происходящему». Омона бьют, в него стреляют, обманом заставляют лишиться себя жизни, но, когда он чудом спасается, чуда как раз и не ощущает. Просто садится в метро и думает, что его полет на луноходе продолжается. Автор не дает ему шанса выбраться из кошмара. В романе «Жизнь насекомых» натуралистическим образом смешаны два мира: мир людей и мир насекомых. И вовсе не для того, чтобы понять жизнь насекомых, наделяя их людскими образами. По этому произведению можно снимать «ужастик»: трое мужчин падают с балкона, превращаются в комаров и пьют кровь у собаки, рассуждая о красоте японских ягодиц, отец непонятно откуда берет навоз и дает сыну его нести, рассуждая, что смысл жизни в познании внутреннего «Ия», девушка Марина идет по улице и вдруг начинает рыть яму, скинув туфли, вымазавшись в грязи, но чувствуя себя совершенно счастливой... Так натуралистично, со всеми подробностями описана жизнь людей-насекомых: «Ее словно парализовало – она безучастно наблюдала, как первый майор приподнял николаеву ногу, а второй, быстро работая жвалами, отгрыз ее по пах вместе с защитной штаниной, на которой в такт движениям его челюстей подергивался тонкий красный лампас. Когда он перегрызал вторую ногу, вокруг появилось еще несколько майоров; они поставили свои бокалы с шампанским на пол, и работа пошла быстрее. Николай перестал играть на невидимом баяне только тогда, когда один из вновь появившихся стал отгрызать ему голову и, видимо, перекусил нерв. Другой майор принес стопку газет «Магаданский муравей» и начал заворачивать в них отпиленные конечности Николая. Дальше у Марины в памяти был длинный провал». И в таком духе целый роман. Без комментариев.

Закончить могу только так: слава Богу, что Пелевина не изучают в школе. Ну хотя бы пока.

ОСТРОВ НЕВЕЗЕНИЯ

(ПЕЧАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ ПО РАДОСТНОМУ ПОВОДУ)

Александр ЛЕЙФЕР
г. Омск

В моей негромкой писательской биографии случился некий приятный момент – впервые напечатался в журнале «Литературный Омск» – органе Омской организации Союза писателей России. Там поместили моё небольшое автобиографически-краеведческое эссе (№ 14-15, декабрь минувшего года).

Журнал красивый – цветная обложка, цветная вклейка с репродукциями картин местного художника, хорошая бумага, чёткий шрифт, профессионально выполненная вёрстка и корректор замечательный (лично с ней знаком – таких в наше полуграмотное время ещё поискать)... Подзаголовок у «Литературного Омска» тоже солидный – «Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал». А главное – компания подобралась приятная: среди двадцати авторов данного номера «ЛО» есть люди, чьи имена известны не только в наших сибирских палестинах – например, прозаик Евгений Даниленко, поэты Марина Безденежных и Валентина Ерофеева-Тверская. Есть и талантливые молодые ребята, в частности, Дарья Серенко, чьё имя не раз упоминалось во время презентации журнала.

Был приглашён на эту презентацию и я. Проходила она в уютном зале Литературного музея имени Ф.М.Достоевского. Авторы журнала один за другим выходили на сцену, читали стихи, говорили друг другу приятные слова, хвалили редактора журнала Олега Клишина за продуманность в подборе материалов номера. Словом, радовались, как дети. Поэтому теперь мне даже как-то не хочется вспоминать собственное, почти что «бестактное» выступление, хотя, несмотря на всю его негативность, общую благостную атмосферу праздника оно не нарушило.

А говорил я о вещах всем вообще-то известных. О том, что периодичность журнала (один –!– номер в год) вызывает, мягко говоря, недоумение. О том, что в соседних городах Екатеринбурге и Новосибирске аналогичные журналы «Урал» и «Сибирские огни» выходят ежемесячно, имеют штат сотрудников и гонорарный фонд. И тиражи у них не «домашние», как у «ЛО» (300 экземпляров, и это при отсутствии электронного варианта), а вполне по нынешним временам нормальные (у «Сибогней», например, 1500, есть и подписка). Я загибал пальцы и перечислял литературные журналы Тюмени, Кемерово, Томска, Красноярска и Иркутска, выходящие по шесть или в крайнем случае по четыре раза в год. Говорил, что наш Омск в смысле журнальном является каким-то печальным исключением, «островом Невезения» на обширной литературной карте Сибири, а такая периодичность – вообще своеобразный антирекорд Гиннеса. Но...

Но, когда я предложил поставить вопрос о дальнейшем развитии «Литературного Омска» перед начальством (учредитель журнала – Министерство культуры Омской области), на меня замахали руками. В том смысле, что, мол, лучше не надо. А вдруг там обидятся, рассердятся да и то, что имеем, прикроют. При каком-нибудь новом витке мирового (российского или регионального) экономического кризиса.

И, получив по три авторских экземпляра, мы, сфотографировавшись на память, с хорошим настроением разошлись по домам. Чтобы собраться ...через год. Правда, в сильно изменившейся компании. Поскольку желающих напечататься в «ЛО» много – только в обеих омских писательских организациях более 80 человек, а ведь есть ещё и литобъединения, есть и просто отдельные, никакими литературными сообществами не «охваченные» талантливые авторы...

xxx

Вернувшись домой, я в силу вечной своей краеведческой занудности решил изучить, так сказать, историю вопроса.

А начиналась невесёлая история омской литературной периодики блестяще. Началом этим, на мой взгляд, следует считать не несколько дореволюционных попыток выпускать в нашем городе периодические издания «общекультурного» плана и не эфемерные журнальчики периода Гражданской войны, а выход в 1921 году первого номера журнала «Искусство». «Журнал искусств, литературы и техники» – значилось на его титульном листе. Редакторами журнала были Александр Оленич-Гнененко и Георгий Вяткин. В «Искусстве» печатались, например, прозаик и драматург Всеволод Иванов и поэт, переводчик, а в конце жизни и мемуарист Леонид Мартынов, оба стали впоследствии литературными фигурами далеко не местного уровня. Публиковались в «Искусстве» Пётр Драверт, Антон Сорокин, Кондратий Урманов – их произведения тоже имеют сейчас не только историческое значение. Литературоведы и искусствоведы до сих пор не перестают удивляться и восхищаться широтой интересов этого журнала. Он помещал статьи не только о местных литераторах, но и о Николае Некрасове, Александре Блоке, Уолте Уитмене, к 100-летию со дня рождения Ф.М.Достоевского провёл дискуссию о его наследии. Здесь были напечатаны театральные обзоры, этнографическое исследование об игрушке, статья о творчестве Айседоры Дункан, хроника литературной и культурной жизни не только Сибири, но и всей страны. Издание отличалось высокой полиграфической культурой, на его страницах были помещены десятки чёрно-белых иллюстраций, цветных вклеек. Журнал пригласил к сотрудничеству

представителей «всех литературных и художественных школ и направлений», имел обширные планы, но его второй номер, вышедший в 1922 г., стал и последним. Местная газета «Рабочий путь» разъяснила потом, что случилось это в силу материальных причин.

А потом литературных журналов в Омске долгое время не было. Несколько выпусков «Омского альманаха» в конце 30-х и в первой половине 40-х годов погоды не сделали.

Показательна история и «Литературного Омска». Он начал выходить в 1953 г. под редакцией Марии Иоффе (Юрасовой). Но в 1957 г. после появления в «Омской правде» критической статьи «О требовательности в творчестве и литературных полуфабрикатах» его выпуск был приостановлен. В 1959 г. вышло постановление комиссии ЦК КПСС «О литературно-художественных альманахах», согласно которому подлежало закрытию большое количество местных литературных периодических изданий. Последний номер «Литературного Омска» вышел в 1960 г. Его возродили уже в наше время, в нынешнем виде «ЛО» выходит с 2001 года.

Говоря о местных литературных периодических изданиях, разумеется, нельзя не упомянуть о 14-ти выпусках альманаха «Иртыш», выпущенных в 90-х годах. Но и этот альманах то и дело лихорадило (цитирую «Энциклопедию Омской области») «из-за финансовых трудностей».

Помню, в разгар перестройки мой товарищ по писательской организации – кандидат филологических наук Сергей Поварцов пытался инициировать выпуск литературного журнала «Любинский проспект» – уже собирал материалы, заводил споры о концепции журнала, даже заказал художнику его обложку. Однажды, помню, привлёк меня и прозаика Михаила Малиновского к проходившему в здании Администрации Омской области совещанию, посвящённому финансированию нового издания. Кто-то (профессор Л.Е.Еловиков – ?) в тогдашней Администрации этот проект поддерживал. Но профессор вскоре из Администрации ушёл, и разговоры о новом журнале постепенно прекратились.

Некоторую роль в объединении литературных сил региона вносил и вносит орган нашей писательской организации (т.е. регионального отделения Союза российских писателей) – альманах «Складчина» (35 разнокалиберных выпусков за период с 1995 по 2010 год). Но и его деятельность целиком и полностью зависит от финансирования со стороны коммерческих (изредка и государственных) структур.

Таково прошлое и настоящее местной литературной периодики.

Как мы видим, для неё за девять десятков лет мало что изменилось. Один за другим приходили и уходили политические режимы. Злободневные лозунги менялись на ещё более злободневные, насущные задачи уступали место ещё более насущным. Неизменным оставалось одно: остаточный принцип, с которым «вертикаль власти» традиционно подходила и подходит в Омске к поддержке местных литературных сил. В этом смысле наш город продолжал и продолжает оставаться в Сибири литературным «островом Невезения». А в результате в разные годы разъезжались (и разъезжаются до сих пор) во все стороны с иртышского берега талант-

ливые писатели – в Москву (Леонид Мартынов, Виктор Утков, Марк Максимов, Владимир Пальчиков, Валерий Иванов, Михаил Колодинский, Алиса Поникаровская, Елена Мурашова, Нина Саранча, Дмитрий Исакжанов), в Петроград – Ленинград – С.-Петербург (Всеволод Иванов, Андрей Лядов, Катя Серебренникова, Иван Денисенко), в Новониколаевск – Новосибирск (Кондратий Урманов, Георгий Вяткин, Сергей Залыгин), в Ростов-на-Дону (Александр Оленич-Гнененко), в Пензу (Николай Почивалин), в Астрахань (Леонид Чашечников), в Алматы (Павел Косенко), в Тюмень (Анатолий Васильев), в Свердловск (Василий Машин), в Калугу (Марина Улыбышева), в Читу (Вильям Озолин), в Курган (Иван Яган), в Кемерово (Евсей Цейтлин), в Краснодар (Геннадий Морозов, Сергей Поварцов), в Бельгию (Степан Князев), в Германию (Михаил Симонов)... Список, как говорится, можно продолжить...

И не только из-за отсутствия журнала они уезжали и уезжают. Но и из-за того, что в нашем городе:

– нет Дома писателя (хотя, умирая в 1928 году, под него завещал собратьям по перу свой личный особняк на Лермонтовской улице Антон Сорокин, но чиновники отдали его под другие нужды). Недавно бывший писательский дом на Коммунистической улице, выделенный местным литераторам ещё при прежней власти, окончательно у них отобрали и отдали его под ... приёмную Президента РФ, срочно «переотнеся» здание с «политически неактуальной» по своему названию улицы к соседней улице Певцова; а обе писательские организации продолжают ютиться по чужим углам, и это в то время, как Дома литераторов имеются и в Екатеринбурге, и в Новосибирске, в Красноярске, Иркутске, Кемерово;

– писателям не оказывается никакой социальной поддержки (в то время, как, например, в Кемерово существуют 37 писательских стипендий для престарелых, больных и одиноких, а в Орле такую помощь получают абсолютно все писатели);

– издание книг местных авторов поддерживается в го-меопатических дозах, но зато миллионы бюджетных денег уходят в Омске на издание шикарных многотомных собраний сочинений классиков – Ф.М.Достоевского, И.А.Бунина, мастеров мировой детской литературы. Местные писатели мрачно шутят по этому поводу, кивая на Дом Правительства Омской области и повторяя пушкинскую строку: «Они любить умеют только мёртвых».

xxx

По случайному совпадению, придя домой с презентацией «Литературного Омска», обнаружил в электронной почте присланный друзьями проект долгожданного федерального Закона «О гарантиях творческой деятельности в сфере литературы и искусства в Российской Федерации». Разослал его коллегам по городам и весям. Будем читать и обсуждать – на осень, вроде бы, намечается первое чтение этого Закона в Государственной Думе.

А вдруг этот Закон, который, если я правильно информирован, дважды уже отклонялся, на этот раз будет принят, и рано или поздно его благотворные волны омоют берега и нашего «острова»?..

РАССКАЗЫ

Руслана ЛЯШЕВА,
г. Москва

БИОЛОГ ТАНЯ

Мастер спорта и биологиня Татьяна знакома с природой накоротке; немудрено, что даже с велосипеда она успевает разглядеть больше остальных, только на скорости не больно поговоришь, и все ее открытия пропадают втуне, зато на остановках она наверстывает упущенное.

Первая ночевка прошла под открытым небом на берегу Новотверецкого канала, под Вышним Волочком. Костер, палатки, долгий закат и крепкий сон. Утром биологиня проснулась раньше всех и первой обнаружила степь. Она тянулась на том берегу канала, туман выстелил ее белыми полотнищами, в прогалинах между ними виднелись стога свежескошенного сена. Ветерок качнул полотнища, и стога вдруг поплыли медленно и чинно, как в безмолвном хороводе. Татьяна пробежала вдоль палаток и отбросила полог над входом каждой: «Смотрите, смотрите! – закричала она. – Стога поплыли!..» Продрали мы зенки, плямимся в степь: и впрямь, плывут, как парусные ладьи на море, а тишина – потрясающая: вселенная еще не проснулась. И усталости после первой сотни километров – во чудо! – никакой; наоборот, в теле – легкость, в душе – умиротворенность. Правда, для Татьяны понятия «тишина» не существует. Возле воды, долдонила она вечером, поет не хор птиц, а камышовка напоминает о себе разными голосами. И теперь биологиня развеяла иллюзии профанов насчет тишины в природе. «Слышите, слышите, – зашептала Татьяна, – круглые, как колесо, рулады? Это пестрый дятел». Все высыпали из палаток и покрутили головами, прислушиваясь: в самом деле, долбит тудяга спозаранок.

Так и повелось потом: запищит или затрещит что-нибудь – Татьяна тут как тут, просветит «дремучих» юристов и психологов о повадках пернатых, о вальдшнепах, о тяге и прочих премудростях тварей. Болота – увлекла она всю команду своими пристрастиями, – это целый мир, густо населенный птицами.

Я слушала подругу в оба уха, но была себе на уме, потому что дорога открывалась мне совсем иначе. Изю дня в день стелется она под колеса велосипеда – близкая и шершавая, как ладонь хорошо потрудившегося человека. А иногда начинает казаться, что не едешь, а бежишь по ней босыми ногами, ну, точь-в-точь, как советовал Виктор Шкловский, и обочь дороги мелькают русские названия деревень: Миронуш-

кино, Литвиново, Ездрово, Домославль, Лихославль... Всплывает в памяти речение Ярослава Мудрого: «Кому переславль, а мне гореславль!»

За Торжком потянулись северные избы на высоком подклете, хорошо знакомые по страницам школьного учебника истории. Будто история ожила, я уже – не велосипедистка, а скороход, пробегающий через селения Древней Руси. Такое ощущение усиливают запахи скошенной травы, сохнувшей на откосах дороги, и крики белобрысых мальчишек, припускающих с нами наперегонки, а по вечерам – мычание коров и бляение овец.

В Новгороде, когда мы до него докатились, я испытала возле суровых и нежных стен Софии совсем не те чувства, что во время короткой зимней экскурсии, – теперь я словно приплелась к вечной Софии из летних полей. Наверное, богомольцы, припадая к святыне, тоже приносили с собой ароматы созревающих хлебов и цветущего льна.

ФИЛОСОФ ВОЛОДЯ

Местом ночевки перед Петербургом стал берег речушки Полисть. Уже под Новгородом исчезли прекрасные смешанные леса; здесь, сворачивая с асфальта на проселок, мы угодили в кустарник и болотину и даже не подозревали, на какие испытания себя обрекаем. Комары – куда до них хлипким московским! – тучами ринулись на нас; напороочила Татьяна: болота густо населены. Разжигать костер и варить пищу в такой экстремальной обстановке под силу лишь незаурядному человеку, им оказался Гена. Послужной список повара совсем короткий: кандидат в мастера спорта и кандидат в аспирантуру юридического факультета.

Как и свойственно сильным, Гена все делает без суеты и крика, даже когда варит кашу с тушенкой и комарами. Правда, пшенка получилась жидковатой, что дало повод воюющим с комарьем выразить повару неудовольствие. Но юрист Гена, выбрасывая ложкой «мясной» приварок, авторитетно разъяснил кулинарные тонкости: «Надо знать национальные русские блюда – кулеш и тюрю. Это – кулеш! Моя мама его часто варит». Мне претензии кулинара на изыск не показались бахвальством, кулеш незамысловатой простотой в самый раз соответствовал кочевому меню, к тому же после восторгов перед Новгородской Софией неприятная пища как-то заземляла и

утишала возвышенный настрой, тем самым навсегда закрепляя его в памяти. Установившееся равновесие души было очень кстати перед въездом в Петербург.

Знакомство с Северной Пальмирой благоприятствовало восхождению звезды психолога Володи. Всю дорогу он оставался как-то неприметен, вдруг мы обнаружили, что он обладает не только девятнадцатую годами и самостоятельным характером, но даже собственной философией. Его премудрость выражалась, как у Шопенгауэра, в афоризмах.

Мы въехали в город спозаранок и, ничтоже сумняшеся, прокрутили педалями по Невскому, что, как объяснили нам, вообще-то запрещено, но благодаря тому, что гостям многое прощается, позволило нам сократить путь и благополучно добраться до университета. От него через Морской проспект можно было двигаться своим ходом (на велосипедах) к Финскому заливу, в гостиницу стадиона имени Кирова. Наконец возле отеля мы спешились, завершив 750-километровый путь между двумя российскими столицами.

После загородной трассы и тихого утреннего Невского проспекта нас оглушило обилие звуков. Я, не имея сил резко переключиться на новый ритм, попросила ребят: «Давайте без суеты?!» В ответ тоненький тенорок Володи вразумил: «А суета и есть жизнь!» Проснулся философ и, оттеснив биолога, занялся нашим просвещением.

Надо признаться, его афоризмы возымели действие и тоже подвигли нас к мудрствованию. Возле Александровского столпа, где в толпе туристов не умолкает щелканье фотоаппаратов, изречение о том, что фотография – это обычная жизнь, лишь показанная красиво, вызвал в нашей велосипедной среде нешуточную дискуссию. Володе этого мало. Он продолжает оттачивать на нас свои афоризмы, шлифуя их лапидарный слог: «Петр не просто – самодержец. Он славно поработал на славу Государства Российского». Или такое изъяснение (хоть заноси на скрижали учебника психологии): «Истинный родитель, глядя на памятник Крылову, поймет, как надо воспитывать потомство».

Что оставалось делать «темным» велосипедистам, только безропотно терпеть его «максимы»; впрочем, Эрмитаж доказал, что говорение для Володи не было самоутверждением практикующего психолога. Под сводами Зимнего дворца мы растеклись по бесчисленным залам: кто-то устремился к французам, кто-то бросился к нидерландцам; вкусы у всех оказались примерно одинаковыми – среднекультурными и обычными, лишь Володя не преминул удивить индивидуальным выбором: античные и средневековые ремесла. Остроловам пришлось прикусить язычок, признав, что он прилично во всем этом разбирается. Об изготовлении венецианского стекла (выдавливает узоры, потом прокладывает нить) Володя мог бы говорить так же долго, как Таня о болотных птичках, если бы у слушателей хватило терпения и времени.

Времени у нас, как у взаправдашних туристов, было в обрез, но все же мы обследовали до последнего закутка Петропавловскую крепость, побывали в Петергофе, исходили вдоль и поперек центр Петербур-

га. Аппетит, как известно, приходит во время еды; на «десерт» захотелось познакомиться с современным Петербургом – понять город той эпохи, в которой мы прокатились на велосипедах по знаменитому Невскому проспекту. Как бы увидеть город таким, каким его ощущают сами петербуржцы. Пожить бы здесь подольше, как в обычном населенном пункте! Какое там! Искупаться в Неве под стенами Петропавловской крепости? Холодно, не тянет! На худой конец, можно просто сходить в театр или в кино! Остановились на простейшем. В «Молодежном» шел фильм «Три дня Виктора Чернышова». Расселись мы рядком – плечо к плечу – в петербургском кинотеатре и, как все петербуржцы, смотрели фильм о московском парне, о Москве, узнавали новый Арбат, кафе «Лиру», переулки и проезды первопрестольной. Мы вообще-то не были коренными москвичами, приехали в университет из городов и весей, но за годы учебы так освоились в столице, что знали наперечет ее улочки и закоулки. И вдруг захотелось в «родную» Москву из Петербурга, в котором мы гостили – ажнова! – пятый день...

Двинулись в обратный путь, тем же макаром, то есть на велосипедах.

Перед въездом в столицу тренер, довольный, изрек, что велопробег удался: команда сдружилась, а дождливые дни закалили ребят. Водитель оглянулся на него и шуточно добавил: «Победила дружба». Через несколько часов мы обогнули главное здание МГУ и вкатились во двор спортивного манежа университета.

– А липа-то без нас отцвела!

– И рябинка покраснела...

* * *

Кто бы мог подумать тогда, растерянно гляжу я на «Гнедка», сиротливо притулившегося на балконе, что дружная команда велосипедистов разлетится по стране (и миру) и расколется на сторонников демократов и левой оппозиции. Забыты болотные птички и походный кулеш с «мясной» приправой. И уже другие воспоминания всплывают в памяти: как в разгар балканского кризиса и натовских бомбежек Югославии демократы и патриоты сцепились в «клинче» – лоб в лоб, одни тянули к парламентской республике, другие отстаивали приоритет президентской администрации. Клевета и компромат терзали общество, как эпидемия неодолимого гриппа. Теперь страсти не по Матфею, а по власти поутихли – «устаканились», – но не исчерпались. Не похожа ли нынешняя стабилизация на айсберг в океане: только макушка торчит над водой, в глубине которой скрывается громада нерешенных окончательно проблем. Что же еще будет?.. Все равно, упрямо качаю я головой, в степи понад Вышним Волочком в утреннем тумане все так же «плывут» свежескошенные стога. Течение рано или поздно захватит наши души и снесет сор разборок в сторону. Родная природа напомнит, что нет над нами власти сильнее, чем она.

О ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ В РАМКАХ IV МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕНА»

Союз русскоязычных литераторов Австрии и журнал «Венский Литератор», Вена (Австрия), приглашают всех, кому исполнилось 18 лет, попробовать свои силы в ТВОРЧЕСКОМ КОНКУРСЕ в рамках проекта «ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕНА». Литературный конкурс проводится в период с 20 марта по 20 июня 2011 года. Место жительства Автора, гражданство, членство в творческих союзах значения не имеют. Важно, чтобы: конкурсная работа была написана на русском языке и не ранее 2008г.; не нарушала ничьих авторских прав; представленное произведение в конкурсах участвовало впервые и ранее опубликовано не было. И, безусловно, конкурсные работы должны соответствовать номинациям, объему, быть оформлены определенным образом. Номинации конкурсных произведений: ПРОЗА; ПОЭЗИЯ; ПУБЛИЦИСТИКА; ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА; ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА. Условия участия в конкурсе, а также вся дополнительная информация – на сайте <http://www.litaustria.org>

Участие в конкурсе для авторов БЕСПЛАТНО.

Победители будут объявлены на IV Международном фестивале русскоязычных писателей «Литературная Вена», который пройдет в г. Вена (Австрия) 20-23 октября 2011 г., награждены призами, почетными грамотами или памятным подарками. Работы лауреатов конкурса будут опубликованы в специальном фестивальном номере журнала – альманахе «Венский Литератор», российских и европейских литературных журналах и литературных альманахах. При невозможности авторов присутствовать на торжественном вручении в октябре в Вене дипломы и альманахи могут быть высланы по почте (за счет проекта) либо переданы нарочным.

Вся промежуточная информация Оргкомитета, жюри (длинный и короткий списки), а так же списки победителей и лауреатов будут публиковаться на сайте <http://litaustria.org>, который является официальным информационным органом конкурса.

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск

НАРКОТИКИ

В 1944 году меня сильно ранило, покалечило ногу. После госпиталя я уже не воевал, доучился в университете, стал геологом, как мечтал. Каждое лето ездил в геологические партии, хоть и с костылем. Ради геологии пришлось от инвалидности отказаться... В госпитале я всякого насмотрелся, многие тяжелораненые превращались в настоящих наркоманов. Помню, один безногий солдат требовал, чтобы ему дали наркотик, а когда отказали, соскочил с кровати и с диким криком так начал «плясать» на своих кувлях, что от них только ошметья летели. А многие врачи были принципиально против наркотиков, один профессор-хирург, грузин, кажется, давал своим раненым по кувшину сухого вина на день (сейчас не могу понять, где он его доставал), а если кому совсем невмоготу – полстакана спирта.

РУССКАЯ ДУША

В Берлине стоит памятник советскому солдату. Он держит на руках немецкую девочку, которую вытащил из огня. Такой случай действительно был, солдату тому (фамилия его, кажется, Берест или Берестов) Героя дали. За что? Немецкого ребёнка спас... Да таких случаев тысячи! Война – значит, пожары. А из горящей избы как ребенка не вытащить, если находишься рядом? Наши солдаты иначе не могли, притом лез в огонь спасать детей часто тот, кто в бою был не самым смелым.

Порой и в ущерб боевым действиям... Детей спасти – это совсем не то, что воевать, убивать... В солдате мирный человек просыпался, свои дети вспоминались...

Вообще, во время войны большинство солдат с удовольствием делали мирную работу. Хозяйке, у которой в хате стоишь, крышу починить или просто дров наколоть – на это добровольцы всегда были. А ребёнка спасти – святое дело, хоть в России, хоть в Германии. Тут никакого приказа не надо. Чем это я объясняю? Широкая русская душа, хотя и не только русские солдаты так поступали...

Только не боевое это дело, и никого не награждали за это.

ВОЗДУШНЫЕ ТРЕВОГИ

С сентября начались занятия в школе, но все готовились к эвакуации. Были чуть не каждый день настоящие воздушные тревоги. Стёкла были крест-накрест заклеены, была светомаскировка, сдана вся радиоаппаратура. Были построены бомбоубежища, а около школы вырыты зигзагообразные щели. Когда объявляли воздушную тревогу, учебную или настоящую, занятия прекращались и учителя вместе с нами прятались в щели. Мы же старались быстрее выскочить из щелей и посмотреть, что происходит вокруг. Я помню, как на наших глазах во время одной из «всамделишных» воздушных тревог наши зенитчики по ошибке сбили наш же самолет.

Это я видел сам.

КРАСНЫЙ РАТОБОРЕЦ

Историко-литературный очерк
(документы, воспоминания, версии)

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПОД ЗНАМЕНЕМ СОВДЕПА

К 90-летию разгрома Охотского фронта партизанской армии Дальневосточной республики
под командованием Якова Ивановича Тряпицына

Сергей ЮДИНЦЕВ,
г. Владивосток

На 12 марта было назначено открытие областного съезда Советов. Временный ревком решил в этот день провести торжественные похороны жертв белого террора, включая сюда и парламентариев, замученных японцами. Как вспоминал красный партизан С. С. Стрельцов-Курбатов, штаб запросил у японского командования для Хабаровского фронта «винтовок 300 или 500 и патронов к ним тысяч пять, несколько пулеметов. Японцы отказались. Тогда Наумов оставил им заготовленную бумагу от штаба, чтобы они ответили на просьбу к 12 часам 12 марта» [1].

Историки и журналисты, пишущие о Тряпицыне, сокрушаются по поводу того, что командующий был до наивности доверчив. Здесь стоит возразить: японцы так тонко подготовили налет на штаб красных, что догадаться мог только провидец. Наверное, это явилось причиной некоторой успокоенности командного состава Красной Армии. *«Японцы свободно ходили по городу вооружёнными. Отношения были самыми дружескими. Все просьбы со стороны японцев о каких-либо льготах для них по доставке им продуктов и прочее охотно... выполнялись. Японцы держались также очень любезно, заверяли в своей искренней дружбе. Их офицеры часто бывали в штабе красной армии и помимо деловых разговоров вели дружеские беседы. Офицеры заявляли о своих симпатиях советской власти, называли себя большевиками. Надевали красные банты. Прошло 2 недели со дня занятия города и, казалось, что установился прочный мир и спокойствие. Жизнь вошла в свою колею»* [2].

Газета «Голос Родины» в марте 1920 года сообщала о том, что в Николаевске создан временный исполнительный комитет, избран городской совет. На японской половине жизнь тоже не замирала ни на день. Функционировали парикмахерские, прачечные, торговые точки, бойко работала обслуга «весёлого квартала».

Чрезмерная открытость партизанского штаба не могла не сыграть свою отрицательную роль в дальнейшем. Японцы прекрасно знали о том, что накануне конференции среди руководящих работников возникли серьёзные разногласия. Иначе и быть не могло: в рядах армии Тряпицына воевали люди разных политических взглядов и убеждений. Но все они на данном этапе устанавливали власть Советов. Например, депутат Днепровский, Будрин, комендант города Комаров, а также начштаба Наумов-Медведь придерживались коммунистических взглядов, Тряпицын был анархистом, Лебедева-Кияшко – эсеркой-максималисткой, ну и так далее. До определённого момента важным считалось не то, к какой ты партии принадлежишь, а твоя ненависть к буржуям, эксплуататорам, белогвардейцам и интервентам. Однако пришло другое время: Советская власть на Нижнем Амуре восстановлена, теперь нужно обустроить новую жизнь, заниматься созидательной партийной работой.

Партизанский штаб, возглавляемый Наумовым, тщательно готовился к конференции, сделав ставку на безусловный авторитет Якова Ивановича Тряпицына. Несмотря на то, что у него был сильный конкурент – коммунист И. А. Будрин, командир Горно-Амгуно-Кербинского полка, имевший в подчинении 300 бойцов, мало кто верил, что в армии произойдут какие-то перемены. Партизаны, прошедшие с Яковом Ивановичем славный боевой путь от Имана до низовьев Амура,

изнывая от ран, лютых морозов, голодных ночёвок в глухой тайге, добывшие оружие в боях, не желали менять легендарного командующего на того же Будрина, Комарова, Андреева и других. Но Будрин тоже пользовался уважением в войсках. Под его непосредственным руководством создавался партизанский отряд в Керби, где, после установления Советской власти, подготавливался гужевой транспорт, делался запас продовольствия, молодые партизаны обучались военному делу. Но всё это происходило в спокойной, не боевой обстановке. Японцы были в Керби лишь однажды – летом 1918 года, когда была восстановлена власть Колчака, а Будрин и его соратники находились в тот период на нелегальном положении. Теперь японцы квартировали далеко – в Николаевске. И приход их в Керби мог быть лишь теоретическим. Они вообще боялись русской зимы. Понятно, что свежий, хорошо вооружённый и экипированный кербинский полк быстро добрался по Амгуни до Николаевска, где уже горел партизанский штаб и был дважды ранен в ногу Тряпицын. Помощь оказалась своевременной. Но полк прибыл в город не для подавления японской провокации, а для участия в торжественных проводах в последний путь партизан, павших в боях за Советскую власть. И, главное, для выдвижения делегатов партотрядов на областную конференцию.

Таким был расклад. Именно в тот период среди командиров Красной Армии и произошёл раскол. Одни поддерживали Тряпицына, другие предъявляли ему претензии по поводу арестованных белых офицеров, выступивших против партизан под Циммермановкой. Так называемые буржуев не устраивало то, что штаб проводил политику экспроприации имущества и ценностей, которые имел каждый богатый человек. Да и призыв молодёжи в армию не очень-то приветствовался николаевцами.

Известный советский писатель Рувим Фраерман, будучи в 20-м комиссаром и непосредственным участником тех событий, в рукописи повести «Раздумье» признаётся: *«Эта вещь полностью автобиографическая, хотя и написана от третьего лица. От первого лица я никогда не писал повестей. Главный герой «Раздумья» Деряев – это я»* [3].

Главный герой в другой повести – «Буря» – Семён Кузнецов, и есть колеблющийся молодой Фраерман, находящийся в мучительном поиске, с кем идти дальше. Семён с самого начала вступления в армию Я. Тряпицына «...тяготееет к большевикам. Но их в Николаевске-на-Амуре, где развёртываются описываемые события, почти нет. Во всяком случае, никакой большевистской организации ещё не существует. В боях против японских интервентов и белогвардейцев принимают участие анархисты, анархисты-коммунисты, эсеры и стихийно поднявшиеся против отжившего строя массы людей – рыбаки, золотоискатели, интеллигенты, представители угнетённых национальностей (орочи, тунгусы, гилияки и др. – С. Ю.), частично рабочие и крестьяне, составляющие очень небольшую долю, бывшие политзаключённые и даже уголовники...»

Симпатизируя большевикам, Семён Кузнецов вынужден подчиниться захватившим командные должности анархистам-коммунистам, драться бок о бок с ними. В повести рассказано, как отдельные большевики отважно выступают с разоблачением анархистов и тут же гибнут от их рук. Реф-

лектирующий интеллигент, к тому же мякотелый и не всегда решительный, каким изображён в повести Семён Кузнецов, на такой шаг не отваживается, считает его бессмысленным, ведущим лишь к бесцельной гибели. При этом надо заметить, что Семён Кузнецов по натуре совсем не трус, порой он действует весьма отважно, не считаясь даже с угрозой смерти.

В конце повести Семён Кузнецов приходит к большевикам» [4].

В ситуации полной партийной неразберихи, когда сегодня партизан мог быть анархистом, а завтра – большевиком, вполне допустима мысль, что после конференции карьера Тряпицына как авторитетного, грамотного и честолюбивого полководца могла быть в одночасье перечеркнута. В сущности, позже так и случилось: соратники расстреляли Якова Ивановича, забыв о том, что именно под его руководством были проведены блестящие в стратегическом плане операции. Здесь и умение быть парламентом, и создание мобильных отрядов лыжников, наводящих ужас на чужеземцев, и талант сплотить людей единой идеей... Но заслуги Якова Ивановича в расчёт не брались. Что же получается? Пока он бил белых и японцев, без единого выстрела входил Николаевск, никто не замечал его анархистских взглядов, а стоило прославиться на весь Дальневосточный фронт – и вот уже диктатор, проклятый народом. Почему-то вдруг забыли, что он восстанавливал именно Советскую власть, а не какую-либо другую.

Процитирую Днепровского: «Широчайшие массы трудящихся страстно хотели восстановления Советской власти на Дальнем Востоке, однако они понимали смысл предпринятого коммунистической партией и советским правительством тактического хода и полностью поддерживали коммунистов Приморья и Приамурья (создание ДВР. – С. Ю.)» [5]. Этими вооружёнными массами руководил Яков Иванович, с ними же и устанавливал власть Советов на всей территории Сахалинской области. Мирные жители ждали перемен с началом навигации, когда оживает Амур и начинает бурлить жизнь.

Журналист А. Долинский замечает: «...Интернациональное, почти 20-тысячное население Николаевска занималось рыбалкой, торговлей, заготовкой и разделкой древесины, добычей золота. Мирно уживались русские, украинские поселенцы, представители корейской, китайской, польской, немецкой и японской общин, коренное население. Отсюда Россия торговала со странами Тихого океана, а ее Дальний Восток и Сибирь – со странами Европы.

Экономика города подкреплялась капиталом местных купцов, своими иностранными фирмами и обществом взаимного кредита. Жили безбедно. До 1917 г. Николаевск имел доход миллион золотом. Богатый был город, а революционеры богатых не любили» [6].

Л. Долинскому вторит почетный профессор Гавайского университета США Э. Визвелл, бывшая жительница Николаевска, родившаяся здесь в 1909 г. «Я – дочь одного из старожилов, Люри, который тоже родился в Николаевске в 1881 г. Мой отец был промышленником. Летом во время лова рыбы рабочие привозились из России. Я помню, как женщины из Астрахани чистили рыбу и укладывали её пластами в огромные бочки. Компания отца называлась «Братья Люри».

В особенности я всегда с удовольствием вспоминаю зиму, когда у нас во дворе был коток и замечательная катушка (горка), где собирались все наши друзья... Дядя... зверски убит партизанами, его жена тоже была убита и её труп брошен в прорубь Амура» [7]. Отца и маленькую девочку Люри спасло только то, что они вовремя покинули город. «...Иначе, – пишет профессор, – мы были бы убиты вместе с другими "буржуями"» [8].

Справедливости ради следует заметить, что Николаевск не всегда процветал, были периоды, когда город становился российским захолустьем, а жители попросту покидали эти места. «А. П. Чехов, посетивший Николаевск в 1890 году, писал: «Место величественное и красивое, но близость каторги (на

острове Сахалин. – С. Ю.) и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимает охоту любоваться пейзажем... Почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас, как глазные впадины черепа» [9].

Фактический материал, дающий повод думать, что народ Сахалинской области жил не совсем бедно, есть в краеведческой книге почётного жителя района имени Полины Осипенко В. В. Бочкарёва. «До наших дней сохранилось название Веселая Горка и Веселый (одинаковые корни слов – весел, от слова веселиться. – С. Ю.). Расположенное на склоне небольшой горки, село стало основным значимым местом. В 1910 году в селе официально было зарегистрировано 14 кабаков и 8 опикурилен... была построена церковь, часовня, китайская кумирня» [10]. Весёлая Горка в усечённом виде сохранилась до наших дней. Интервенты за весь период гражданской войны так и не добрались до этого глубоко таёжного, некогда шумного селения. На Амуре же японские экспедиционные войска чувствовали себя вольготно и безбоязненно, по-хозяйски. Однако жители нижних сёл и самого города приняли их как непрошенных гостей. Ещё свежи были в памяти события 1905 года, когда во время русско-японской войны карательные отряды вырезали на Южном Сахалине всё русское население, включая детей, женщин, стариков, по разным причинам не успевших эвакуироваться. Жители острова бежали в Николаевск. Преимущественно это были сахалинские каторжане, отбывшие свои большие сроки, люди неимущие, не имеющие ни крыши над головой, ни профессии. Однако они прижились в низовьях бурной реки и пустили корни. «Сахала» затаила ненависть к японцам, развернувшем в Николаевске собственный жилой квартал рыбопромышленника господина Симада. Он разбогател на браконьерском вылове рыбы, устанавливая заездки в устьях нерестовых рек. Заездки загораживали вход кеты в Амур.

Весной 1917 года, после Февральской революции, заездки нижеамурцами были сметены. И уже летом рыба дошла не только до верховой Амура, но попала в Уссури, под самый хребет Сихотэ-Алиня. Японская буржуазия в спешном порядке покинула город, предварительно эвакуировав всёжитое здесь добро. После ухода населения города и армии Тряпицына в село Керби до 1925 года в Сахалинской области хозяйничали японцы. На руинах старого Николаевска они не построили ничего. Рыбалки, лесные богатства, золото, катера, баржи, пароходы, портальные краны негласно стали принадлежностью Страны восходящего солнца. Никто не подсчитывал, какой урон причинили оккупационные войска Японии, вывозя народное богатство России за пределы Сахалинской области.

Симада, успевший эвакуироваться до вступления в город партизанской армии Тряпицына, вернулся сюда зимой 1921 года. «В самом Николаевске свил осиное гнездо миллионер, промышленник и спекулянт, японец Симада, по прозвищу «Пётр Николаевич». Его поместье раскинулось на целый квартал. Чувствовал себя Симада в годы интервенции «царьком», он даже выпустил в 1919 г. бумажные «деньги» со своим портретом, над которым было написано: магазин Петра Пиколаевича (вместо «Николаевича») Симада. За эти деньги отпущали в его магазине товары.

Немало осело на Амуре иностранных шпионов, орудовавших под видом владельцев прачечных, парикмахеров, фотографов, часовщиков» [11].

Выждав время, господин Симада решил возобновить коммерческую деятельность на Амуре. Ситуация была вполне прогнозируемой – японские войска оккупировали Нижний Амур надолго. Японское осведомительное бюро печати (О.Я.Б.) в колонке «Последние известия» сообщает: «В связи с приближением рыбного сезона среди съехавшихся сюда (в Николаевск-на-Амуре. – С.Ю.), образован союз, – наблюдается оживление, выражающееся в заботах о плане работ.

В большинстве случаев рыбалки на николаевском побережье, чудом уцелевшие от разгрома Николаевска, составляют единственную экономическую опору разорённых николаевцев.

При существующей политической неразберихе, при полной совершенно невыясненности отношений Японии к Николаевску – неизвестна ещё участь николаевских рыбалок и вопрос – будет ли ещё возможность работать на них в предстоящем рыбном сезоне – волнует многих и составляет предмет крупных забот.

К тому же предстоящие работы требуют солидных затрат, нужно заготовить снасти, соль, бочки, ибо все прежние запасы сожжены – а средств свободных мало и при теперешнем общем денежном кризисе – этот вопрос является особенно тяжёлым.

Некоторыми из рыбопромышленников... (ведутся переговоры. – С. Ю.) с приехавшим сюда николаевским старожилом г. Симада, который принимает живейшее участие в сфере оживления деятельности рыбалок» [12].

Кстати, заметка лишней раз подтверждает, что не всё уничтожила команда поджигателей роковым летом 1920 года и не все николаевцы покинули город. Многим удалось либо бежать, либо спрятаться и, переждав лихолетье, вернуться в свои дома. Писатель-белоэмигрант Я. Лович, рассказывая о николаевских событиях, активно использовал воспоминания и документы, переданные ему на Сахалине в Александровске К. А. Емельяновым, членом Петропавловского окружного суда, пережившим вместе с женой трагические николаевские дни. Они сумели выбраться из горящего города. О. Г. Гончаренко в статье «Писатель в изгнании» свидетельствует: «Рассказчики спасались чудом: один бежал в лес и жил неделю на снегу, другой прожил больше недели под... тротуаром, правильно рассчитав, что никому не придёт мысль искать беглеца в таком месте. Третий, в момент ухода партизан из города, ... спрятавшись в помойную яму. Способы спасения были разнообразны и необыкновенны: когда угрожает смерть, человек становится изобретательным» [13]. И с уничтожением «всего Николаевска» не всё так однозначно, как кажется на первый взгляд. Есть другое мнение. Например, невозможно оспорить факт сожжения японцами партизанского штаба и около двадцати домов, в которых засели партизаны. Их выкуривали оттуда огнём и свинцом. А вот о чём свидетельствует бюллетень, опубликованный японским военным министерством в газете «Владиво Ниппо», переданный в редакцию из провинции Фукабаси 16 февраля 1920 года. «Начиная с прошлого месяца, большевистские войска в окрестностях г. Николаевска постепенно увеличивали свою мощь и в конце концов окружили город Николаевск 30 января они атаковали... форт Цинцирафу (Чныррах. – С. Ю.), который заняли, след затем они начали атаку против нашего (японского) цинцирафского отряда, выделенного из состава гарнизона порта Николаевск. В конце концов наши японские казармы были разрушены артиллерийским огнём. **6-го февраля отряда сам сжёг казармы** (выделено С.Ю.), оказавшись вынужденным присоединиться к гарнизону порта Николаевска» [14].

Помимо японских промышленников, в годы «золотой лихорадки» на амурских землях обосновались американские и английские предприниматели. Они везли Охотским морем драги, электростанции, технику, оборудование. А. И. Кудрин, коренной житель села Чля Николаевского района Хабаровского края, почётный работник общего образования Российской Федерации, в книге «Моё туманное село...» приводит пример того, как американцы принимали деятельное участие в строительстве драг, электрических станций, других объектов. За деньги русских предпринимателей, конечно же. «Ещё в 1905 году А. П. Степанов и А. П. Надецкий (золотопромышленники. – С. Ю.) решили построить на Сретенском прииске электрическую драгу, а для выработки тока для неё – электростанцию в Чля. Для постройки драги станции нужно было много денег. Потому-то и был взят кредит... в Государственном банке, остальные в частных коммерческих банках, главным образом

в Русско-Китайском, который позднее был переименован в Русско-Азиатский. Добавили и свои деньги, и деньги членов своих семей.

...В начале строительства Надецкий несколько раз плавал в Америку, на заводе Нью-Йорской инженерной компании закупил паровые машины, перевёз их в Чля. Из Америки были также выписаны инженеры-строители и монтажники. Даже кирпич и цемент везли из Америки, хотя в Николаевске было несколько кирпичных заводов, а цемент можно было купить и в Николаевске, и в Хабаровске, и во Владивостоке. С другой стороны, стройматериалы были качественные, монтажники-строители квалифицированные, и наша станция стоит до сих пор...» [15].

Русские, проживающие на Нижнем Амуре, наживали свои богатства разными путями. Одни держали рыбалки, другие занимались заготовкой пушнины, валили лес, добывали золото. Учитель одной из николаевских реальных школ Николай Иванович Синцов, старый народоволец, эсер и вольнодумец, преподавал историю и русский язык. «Начальство перевело **красного педагога в Николаевск. Это рассматривалось как «ссылка», ибо Николаевск был медвежьим углом, далёким от строгих глаз высшего контроля, «дырой», где вольнодумство Синцова никому не мешало»** [16].

Спустя несколько лет учитель словесности занялся ещё и коммерцией. «Вошёл в компанию с состоятельным рыбопромышленником, купил рыбалку, скупал меха. В этом маленьком, круглом человеке с бородкой клинышком и в пенсне неожиданно обнаружили таланты купца» [17]. В 1917 году он купил в Николаевске большой дом, открыл текущий счёт в банке в иностранной валюте, и когда узнал о революционном перевороте, серьёзно задумался – теперь ему было что терять. «Из области шли неутешительные вести. К Николаевску двигались со всех сторон партизанские отряды, объединённые под общим руководством каково-то Тряпицына, как говорили – петербургского рабочего, присланного со специальными заданиями из Европейской России. Тряпицын... не пропускал ни одного парохода по Амуру, не обстреляв; он объявил мобилизацию крестьян, вооружил их, сколачивал крепкие военные отряды и медленно, но верно шёл к Николаевску» [18]. «...Портили телеграфные линии и задерживали почтовое движение... большевики стали всё контролировать. Колчаковское правительство действовало решительно и в начале сентября 1917 г. с помощью японцев Амурская область перешла в руки белых и к Земской форме правления...»

В начале лета 1919 г. небольшие банды красных дали о себе знать, перерезав во многих местах телеграфные провода между Николаевском и Хабаровском. Обстреливали почтовые суда. Так что стали на суда ставить орудия и охрану...» [19].

Когда зимой 1920 года партизаны заняли город, Синцов пытался наладить отношения с новой властью, но против него как эксплуататора свидетельствовали рабочие рыбалок. Учитель был арестован и расстрелян. Но это случилось уже после разгрома японского гарнизона, когда каждый промышленник считался пособником интервентов и белогвардейцев.

1. Долинский Л. Амурский лиман. Николаевск-на-Амуре. 2000.
2. Голос Родины. В. 1920.
3. Николаев Вл. Путник, шагающий рядом. М. 1968.
4. Там же.
5. Днепровский С. П. По долинам и по взгорьям. Х. 1956.
6. Долинский Л. Амурский лиман. Николаевск-на-Амуре. 2000.
7. Визвелл Э. Город, которого больше нет. Рыбак Хабаровского края. Х. 2000.
8. Там же.
9. Щербань Б. С. Амур: путеводитель. Х. 1964.
10. Бочкарёв В. В. Приамгунье золотое. Х., 2006
11. Днепровский С.П. По долинам и по взгорьям. Х. 1956.
12. Вечер. Среди николаевских рыбопромышленников. В. 1921 г.
13. Лович Я. Враги. М. 2007.
14. Голос Родины. Занятие Николаевска большевиками. 1920 г.
15. Кудрин А. И. Моё туманное село, Николаевск-на-Амуре, 2010.
16. Лович Я. Враги. М. 2007.
17. Там же.
18. Там же.
19. Бебенин Н. Л. Воспоминания. Библиотека с. Оглонги. 1958.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается ОДИН раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2011 ГОД

Стоимость полугодового абонемента – 300 рублей, годового – 500. Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора Ко'стылева Владимира Александровича по адресу издания:

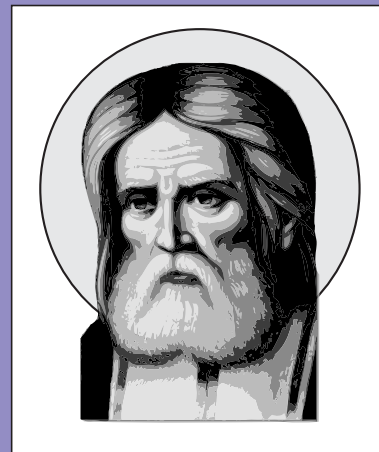
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся НЕ НЕСЕТ.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенно вожделев, непрестанно
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Закат над Усури. Фото Геннадия УЧАНЕВА, г. Арсенъев

г. Бикин, Хабаровский край. Фото Василины ОРЛОВОЙ